

СИДНИ ШЕЛДОН

ТИЛЛИ БЭГШОУ

ПОСЛЕ
ПОЛУНОЧИ

Тилли Бэгшоу

Сидни Шелдон. После полуночи

«АСТ»

2010

Бэгшоу Т.

Сидни Шелдон. После полуночи / Т. Бэгшоу — «АСТ», 2010

ISBN 978-5-17-082403-8

Совсем недавно Грейс Брукштайн была наивной молодой женой обаятельного мультимиллионера Ленни. Совсем недавно она была уверена, что жизнь состоит лишь из радостей и развлечений... Теперь у нее отняли все – деньги, положение в обществе, любимого мужа, свободу, надежду... Нет больше наивной красавицы. Есть мстительница, готовая на все, чтобы найти и покарать убийц Ленни. Она поставит на карту и свою, и чужую жизнь. Будет лгать, интриговать и использовать мужчин. Но она добьется справедливости, чего бы это ни стоило!..

ISBN 978-5-17-082403-8

© Бэгшоу Т., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Пролог	6
Книга I	11
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	41
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Тилли Бэгшоу

Сидни Шелдон. После полуночи

Выражаю искреннюю признательность семье Шелдон за доверие ко мне, поддержку и великодушие. Спасибо моим редакторам: Мэй Чен, Уэйну Бруксу, Саре Ритердон – и всем, кто так усердно работал над этой книгой. Моим агентам: Мортю Джанклоу, Тифу Ленису – и всем в «Джанклоу энд Несбит». Вы – лучшие. А также моей семье, особенно дорогим детям, Сефи, Заку и Тео, и моему мужу Робину, которые поддерживают меня во всех моих начинаниях. Я вас люблю.

Т.Б., 2010 г.

*Посвящается Керстин и Луису Спаррам
С любовью*

Жадность, за отсутствием более подходящего эпитета, – это хорошо.

Жадность – это правильно.

Жадность срабатывает.

Жадность проясняет, выявляет и определяет сущность эволюционного духа.

Жадность во всех ее формах: жадность к жизни, к деньгам, любви, знаниям – стала движущей силой прогресса.

Гордон Гекко. Уолл-стрит. 1987 г.

Пролог

Нью-Йорк, 15 декабря 2009 г.

Срок расплаты настал.

Боги потребовали жертвы. Человеческой жертвы. В Древнем Риме захваченные в плен вражеские вожди подвергались ритуальной казни – удушению на поле боя перед статуей Марса, бога войны. Собравшиеся приветствовали казнь одобрительными криками, требуя не справедливости, но мести. Крови.

Здесь не Древний Рим.

Это современный Нью-Йорк, вечно бьющееся сердце цивилизованной Америки.

И все же он походит на Рим.

Потому что постоянно находится в состоянии войны.

Город страдающих озлобленных людей, которым необходимо винить кого-то в своих страданиях. В своей боли.

Сегодня человеческая жертва будет принесена в холодно-равнодушных, клинически-опрятных стенах манхэттенского уголовного суда.

От этого жертвоприношение не будет менее кровавым. Обычно бригады телевизионщиков и орды упивающихся чужим горем зевак слетались сюда только на те процессы, где судили убийц. Сегодняшний ответчик Грейс Брукштайн никого не убила. Во всяком случае, лично. И все же немало жителей Нью-Йорка порадовались бы, если бы миссис Грейс Брукштайн угодила на электрический стул. Этот сукин сын, ее муженек, надул их. Обвел вокруг пальца. Он умудрился обмануть даже правосудие. Ленни Брукштайн – гори он в аду – имел наглость посмеяться в лицо богам. Что же, теперь боги будут убогавлены.

И человек, ответственный за это дело, – окружной прокурор Анджело Микеле, представитель народа, смотрел на противоположный конец зала суда, на будущую жертву. Женщина со спокойно сложенными на коленях руками, сидевшая на скамье подсудимых, ничуть не напоминала преступницу. Стройная привлекательная блондинка лет двадцати двух, Грейс Брукштайн была наделена ангельскими чертами милого ребенка. Подростком она занималась гимнастикой, и, став взрослой, держалась с грацией танцовщицы: идеально прямая спина, размеренные плавные жесты, грациозные движения.

Грейс Брукштайн выглядела хрупкой. Деликатной. Прекрасной.

Она была из тех женщин, которые неизменно пробуждают в мужчине инстинкт защитника. Вернее, могла бы быть таковой, если бы не украла семьдесят пять миллиардов: речь шла о самой крупной, самой скандальной афере в истории США.

Крах «Кворума», страхового фонда Ленни Брукштайна (молодая жена являлась совладелицей), нанес смертельный удар и без того искалеченной американской экономике. Тандем Брукштайнов погубил немало семей, обескровил целые отрасли промышленности и поставил на колени некогда великий финансовый центр Нью-Йорка. Они украли больше, чем Мэдофф¹, но не это было самым подлым. В отличие от Мэдоффа Брукштайны обирали не богатых, а бедных. Их жертвами стали обычные люди: пенсионеры, семьи рабочих, и без того едва сводившие концы с концами. Какой-то молодой отец семейства, разоренный Брукштайнами, застрелился, не в силах вынести позора, когда его детей выбросили из дома, за который он больше не смог выплачивать кредит. И за все это время Грейс Брукштайн не выказала и тени раскаяния.

¹ Создатель финансовой пирамиды, бывший глава совета директоров биржи «Насдак» Бернанд Мэдофф, приговорен к 150 годам тюремного заключения. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Конечно, были и те, кто утверждал, что Грейс невиновна в преступлениях, приведших ее на скамью подсудимых; что Ленни Брукштайн, но не его жена, стоит за аферой с «Кворумом».

Окружной прокурор Анджело Микеле презирал подобных типов.

Слюнявые либералы! Можно подумать, жена и совладелица не знала, что творится. Все знала! Все! Ей попросту было плевать! Она растратила чужие пенсионные фонды, сбережения, накопленные честным трудом за всю жизнь, деньги на обучение ребятишек... Только взгляните на нее! Разве так одевается женщина, которой небезразлично, что из-за нее кто-то потерял свой дом?

В течение всего процесса пресса уделяла много внимания нарядам Грейс. Сегодня, на вынесение приговора, подсудимая выбрала белое платье от Шанель (7600 долларов), буклированный жакет в тон (5200 долларов), лодочки от Луи Вюитона (1200 долларов), сумочку (18 600 долларов), а также изысканное норковое манто, сшитое в Париже, специально для нее: подарок мужа на годовщину свадьбы.

Утренний выпуск «Нью-Йорк пост» уже продавался на лотках.

Над крупным снимком входящей в здание суда Грейс Брукштайн бросался в глаза кричащий заголовок:

ПУСТЬ ЕДЯТ ПИРОЖНЫЕ!²

Окружной прокурор намеревался сделать все, чтобы на оставшуюся часть жизни Грейс Брукштайн забыла вкус пирожных. «Красуйтесь в своих мехах, леди. Сегодня вы надели их в последний раз...»

Анджело Микеле был высоким худощавым мужчиной лет сорока пяти, одетым в простой костюм от «Брук бразерс». Густые черные волосы, зализанные назад, напоминали блестящий шлем. Микеле слыл амбициозным профессионалом и строгим боссом: все помощники прокурора трепетали перед ним. В то же время он был хорошим сыном: что есть, то есть, этого не отнимешь.

Родители Анджело были владельцами пиццерии в Бруклине. Именно были, до того момента как Ленни Брукштайн «потерял» их сбережения и довел до банкротства. Слава Богу, Анджело неплохо зарабатывал. Без его помощи родители просто оказались бы на улице, разоренные и обездоленные, как многие трудящиеся американцы. По мнению Анджело Микеле, тюрьма была слишком легким наказанием для Грейс Брукштайн. Но это только начало. И он – тот, кто надолго посадит ее под замок.

На скамье подсудимых рядом с Грейс сидел человек, чьей обязанностью было сдерживать Микеле. Френсис Хэммонд III, или Большой Фрэнк, как его прозвали в кругу нью-йоркской адвокатуры, был самым низкорослым в зале. Ростом пять футов четыре дюйма³, он был чуть выше своей миниатюрной клиентки. Этот коротышка обладал мощнейшим интеллектом, до которого оппонентам было очень и очень далеко. Блестящий защитник с умом шахматного гроссмейстера и моралью подзаборного громилы, Фрэнк Хэммонд был Великой Белой Надеждой Грейс Брукштайн⁴.

Коньком адвоката были игры с присяжными, обличение и выявление страхов, желаний и предрассудков, о которых сами люди даже не подозревали, а также обращение всех эмоций в пользу подзащитных. Только за последние два года благодаря Фрэнку Хэммонду на свободе оказались двое подозреваемых в убийствах крестных отцов мафии и актер-педофил. Фрэнк

² Фраза, якобы брошенная Марией Антуанеттой (1755—1793): «У них нет хлеба? Пусть едят пирожные».

³ Приблизительно 153,5 см.

⁴ Так называли чемпиона мира по боксу Джима Джеффриса, белого, который долгое время отказывался драться с черным чемпионом Джеком Джонсоном. В поединке победил Джонсон, что вызвало бесчисленные погромы, избиения и убийства негров по всей Америке.

брался только за сложные дела, и в числе его клиентов числились самые высокопоставленные особы, которым в начале процесса обычно грозили самые суровые приговоры.

В начале процесса Грейс Брукштайн представлял другой адвокат, но ее друг и доверенное лицо Джон Мерривейл настоял, чтобы она уволила его и обратилась к Большому Фрэнку.

– Ты невиновна, Грейс, – твердил Джон. – Мы это знаем. В отличие от остального мира. П-п-папарацци хотят, чтобы тебя повесили, колесовали и четверговали, и все сразу. Фрэнк Хэммонд – единственный, кто сможет заткнуть им рты. Он гений.

Никто не понимал, почему Большой Фрэнк позволял Грейс Брукштайн каждый день являться в суд в таких вызывающих нарядах. Туалеты, казалось, были сшиты специально, чтобы раздражать представителей прессы, не говоря уже о присяжных. Гигантская ошибка!

Но Фрэнк Хэммонд ошибок не допускал. И Анджело Микеле знал это лучше кого бы то ни было.

В его безумии была своя метода. Ее просто не могло не быть. Хотелось бы только понять, в чем ее суть...

Все же это не так уж и важно, думал прокурор. Сегодня день вынесения приговора, и выстроенная им линия обвинения безупречна. Грейс Брукштайн ждет крах. Для начала – тюрьма. Потом – ад.

Этим утром Грейс проснулась в гостевой спальне Мерривейлов с чувством глубочайшего покоя. Ей снился Ленни. Они находились в нантакетском поместье, самом ее любимом из всех дорогих, обошедшихся в миллионы долларов домов. Они гуляли в розарии. Ленни держал ее руку. Грейс ощущала тепло его кожи, знакомую шероховатость ладони.

– Все будет хорошо, дорогая. Верь, Грейси. Все будет хорошо.

Входя в зал суда рука об руку с адвокатом, Грейс едва не ежилась от ненависти толпы. Сотни взглядов буквально сверлили ее со всех сторон. Со всех сторон неслись свистки и оскорбления:

– Стерва!

– Лгунья!

– Воровка!

Но она цеплялась за то состояние покоя, в котором проснулась сегодня утром. В ушах продолжал звучать голос Ленни: «Верь, Грейси. Все будет хорошо».

Прошлой ночью Джон Мерривейл твердил то же самое по телефону. Благодарение Господу, у нее есть Джон! Не будь его, Грейс попросту пропала бы! Все покинули ее в трудный час: друзья и даже родные сестры.

Крысы побежали с тонущего корабля.

Именно Джон Мерривейл едва не силой заставил Грейс обратиться к Фрэнку Хэммонду.

В данный момент адвокат произносил заключительную речь перед присяжными. Неукротимый маленький человечек гордо расхаживал взад-вперед перед присяжными подобно петуху на скотном дворе. Из его разглагольствований Грейс были понятны только отрывки. Суть прений сторон оставалась для нее недоступной. Но она точно знала – защитник добьется оправдания. Тогда, и только тогда, начнется ее настоящая работа.

Выйти из суда свободной? Это только начало. Предстоит еще обелить свое имя. И имя Ленни. Как же она тоскует по мужу! Почему Господь захотел отнять его у нее? Почему всему этому суждено было случиться?

Фрэнк Хэммонд закончил говорить.

Настала очередь Анджело Микеле.

– Господа присяжные заседатели! За последние пять дней вы слышали немало сложных юридических споров. Достаточно веские аргументы приводились как мной, так и мисте-

ром Хэммондом. К сожалению, избежать этого было невозможно. Масштаб мошенничества в «Кворуме» – 75 миллиардов...

Анджело помедлил, чтобы до каждого из присутствующих дошла вся невероятная величина этой суммы. Даже после постоянных повторений размер аферы не переставал поражать.

– ...означает, что дело весьма запутанное. И тот факт, что эти деньги девались неизвестно куда, не облегчает положения. Ленни Брукштайн – мошенник. Однако глупцом его не назовешь. Как и его супругу, Грейс Брукштайн. Содержание документов, найденных в «Кворуме», настолько запутанно и неясно, что, говоря по правде, деньги могут вообще не найтись. Даже то, что от них осталось.

Микеле с неприкрытым презрением уставился на Грейс. Две дамы из присяжных последовали его примеру.

– Но позвольте объяснить вам, что самое простое в этом деле – мотив. Алчность.

Пауза.

– Высокомерие.

Еще одна.

– Ленни и Грейс Брукштайн считали себя выше закона. Как многие, им подобные, богатые банкиры с Уолл-стрит, которые насиловали и грабили нашу великую страну, крали деньги налогоплательщиков, ваши деньги, и с бесстыдной расточительностью выбрасывали их на ветер, Брукштайны не верили, что правила, обязательные для маленьких людей, относятся и к ним. Хорошенько посмотрите на миссис Брукштайн, леди и джентльмены. Видите ли вы перед собой женщину, сознающую, как страдают простые граждане этой страны? Видите ли вы женщину, которой есть до этого дело?

Лично я – нет.

Я вижу женщину, рожденную в богатстве и роскоши, вышедшую замуж за богатство и роскошь, женщину, которая считает богатство – непристойное богатство – правом, данным ей Господом.

Наверху, на галерее для зрителей, Джон Мерривейл прошептал жене:

– Эт-то не речь прокурора. Эт-то охота на ведьм.

– Грейс Брукштайн была партнером в «Кворуме», – продолжал Микеле. – Равным партнером. Она ответственна за дела фонда не только по закону, но и с точки зрения морали. Не стоит заблуждаться: миссис Брукштайн знала обо всех действиях мужа. Поддерживала и ободряла его.

Не позволяйте внешней сложности этого дела одурачить вас, леди и джентльмены. Если отбросить юридический жаргон, бумажную волокиту и все офшорные банковские счета, а также манипуляции с ними, случившееся имеет весьма простое объяснение. Грейс Брукштайн воровала. Воровала из жадности. Воровала, полагая, будто ей все сойдет с рук.

Он в последний раз взглянул на Грейс.

– Она и сейчас так считает. Ваша обязанность доказать, что эта дама ошибается.

Анджело Микеле сел.

Что же, его выступление было блестящим, куда более ярким и красноречивым, чем речь Фрэнка Хэммонда. Судя по виду, присяжные были готовы разразиться аплодисментами.

«Если бы он не пытался уничтожить меня, я бы его пожалела. Бедняга. Он так старался! Возможно, повстречайся мы при других обстоятельствах, могли бы стать друзьями».

В ложе для прессы все были уверены в том, что присяжные попросят день на обсуждение. Гора доказательств по делу была такой гигантской, что они просто не смогут управиться быстрее.

Но к всеобщему удивлению, меньше чем через час присяжные вышли из совещательной комнаты.

Как и предсказывал Фрэнк Хэммонд.

– Вы вынесли вердикт? – осведомился судья.

Председатель, афроамериканец лет пятидесяти, кивнул:

– Да, ваша честь.

– Итак, виновна ответчица? Либо невиновна?

Председатель в упор уставился на Грейс Брукштайн.

И улыбнулся.

Книга I

Глава 1

– Что думаешь, Грейси? Черный или синий?

Ленни Брукштайн поднял повыше оба костюма. Стояла ночь накануне благотворительного бала в «Кворуме», самого статусного ежегодного мероприятия в Нью-Йорке, и супруги решили пораньше лечь спать.

– Черный, – обронила Грейс, не поднимая глаз. – Классический стиль.

Она сидела за бесценным туалетным столиком орехового дерева в стиле Людовика XVI, расчесывая длинные светлые волосы. Палевый шелк пеньюара от Ла Перла, купленный Ленни на прошлой неделе, льнул к идеальному телу гимнастки, подчеркивая каждый изгиб.

«Счастливчик я», – подумал Ленни и рассмеялся.

Не то слово!

Ленни Брукштайн считался некоронованным королем Уолл-стрит. Родился он отнюдь не в королевской семье.

Зато теперь каждому американцу был знаком этот тяжеловесный пятидесятивосьмилетний мужчина: жесткие седые волосы, нос, сломанный в детской драке, но так и не выправленный (К чему? Он же победил!), умные янтарные глаза. Он был почти также известен, как дядя Сэм, или Роналд Макдоналд. Собственно говоря, Ленни Брукштайн во многом и воплощал собой Америку. Амбициозную. Трудолюбивую. Великодушную. Добросердечную. Но нигде его не любили больше, чем в родном Нью-Йорке.

Правда, так было не всегда.

Урожденный Леонард Алин Брукштайн, пятый ребенок и второй сын Джейкоба и Рейчел Брукштайн, Ленни не мог забыть своего полного лишений детства. Когда Ленни стал взрослым, его приводили в бешенство книги и фильмы, в которых романтизировалась бедность.

«Мемуары отверженных» – вот как называлось это направление.

Интересно, откуда взялись эти типы?!

Ленни Брукштайн вырос в бедности. Разрушающей душу, беспощадной. Бедности, в которой не было ничего романтического или благородного. Где тут романтика – в том, что отец являлся домой мертвецки пьяным и избивал до полусмерти мать в присутствии отпрысков? Или в том, что вечером любимая старшая сестра Роза бросилась под поезд метро, потому что трое парней из их убогого квартала изнасиловали ее по очереди и скопом по пути домой из школы? Что благородного в том, что Ленни и его братьев избили в школе за «вонючую жидовскую жратву, которую они тащат в класс»? Или в том, что мать Ленни умерла в тридцать четыре года от рака шейки матки, потому что работала с утра до вечера и не смогла найти времени, чтобы пойти к врачу и пожаловаться на боли в животе? Бедность не сплотила семью Ленни Брукштайна. Скорее, развела в разные стороны и ожесточила. А потом и погубила. Всех, кроме Ленни.

Он бросил школу в шестнадцать и в том же году ушел из дому. И ни разу не оглянулся. Нашел работу у ростовщика в Куинсе, где еще раз убедился в том, что бедные не способны «сплотиться» в беде. Наоборот, готовы перегрызть друг другу глотки.

Тяжко было наблюдать, как старуха отдает в заклад вещи, бесценные для нее одной: часы усопшего мужа, крестильную серебряную ложечку любимой дочери – в обмен на несколько засаленных банкнот. Ростовщик мистер Грейди перенес операцию по шунтированию сосудов

за год до появления у него Ленни. Очевидно, хирург заодно ампутировал у него и способность сострадать.

– Цена не то, чего стоит вещь, парень, – твердил он Ленни. – Это сказки. Цена – то, что готов заплатить покупатель. Или то, что уже заплатил.

Ленни Брукштайн не питал почтения к мистеру Грейди, ни как к личности, ни как к бизнесмену, но признавал справедливость его слов. И запомнил их на всю жизнь.

Позже, гораздо позже, они легли в основу состояния Ленни Брукштайна и сенсационного успеха «Кворума». Брукштайн твердо знал то, что обычные, бедные люди были готовы принять на веру: понятие о цене у одного человека может не совпадать с понятием другого. А у рынка на этот счет может быть третье мнение.

И он был благодарен старому ублюдку за урок.

История восхождения Ленни Брукштайна от помощника старого ростовщика к положению знаменитого миллиардера стала американской легендой. Частью американского фольклора. Джордж Вашингтон не мог солгать. Ленни Брукштайн не мог сделать неудачное вложение.

После ряда выигрышей на скачках в юности (Джейкоб Брукштайн, отец семейства, был неудачливым игроком) Ленни решил попытать удачи на биржевом рынке. В Саратоге и Монтичелло Ленни усвоил важность разработки определенной системы и необходимости ее придерживаться. На Уолл-стрит это называли моделью, но разницы не было никакой.

В отличие от своего отца у Ленни хватало воли подсчитать проигрыш и прекратить игру, прежде чем потери станут необратимыми. Герой кинофильма «Уолл-стрит» Гордон Гекко в исполнении Майкла Дугласа произносит свою знаменитую фразу: «Жадность – это хорошо».

Ленни Брукштайн решительно был с этим не согласен. В жадности нет ничего хорошего. Напротив, она стала причиной падения почти всех неудачливых инвесторов. Дисциплина и самоконтроль – вот основы успеха! Найти верную модель и придерживаться, несмотря ни на что. Вот оно – главное!

Ленни Брукштайн уже был мультимиллионером, когда познакомился с Джоном Мерривейлом. Вряд ли на свете можно было найти менее похожих людей. Ленни был человеком, который сделал себя сам, настоящим сгустком энергии и жажды жизни. Он никогда не говорил о прошлом, потому что не думал о нем. Блестящие янтарные глаза были неизменно устремлены в будущее. В новое предприятие. В новые возможности.

Джон Мерривейл, принадлежавший к высшему классу, был рассудочным, подверженным депрессиям интеллектуалом. Тощий рыжеволосый молодой человек получил прозвище Спичка в Гарвардской школе бизнеса, которую окончил первым на курсе, как его отец и дед. Все, включая его самого, ожидали, что Джон поступит на работу в одну из самых престижных фирм на Уолл-стрит, «Голдман» или «Морган», и начнет медленную, но вполне предсказуемую карьеру. Но тут в жизнь Джона метеором ворвался Ленни. И все изменилось.

– Я открываю страховой фонд, – заявил Ленни на вечеринке у общего знакомого, – и сам решаю, куда вложить деньги. Мне нужен партнер с безупречным происхождением, из хорошей семьи, чтобы помочь привлечь сторонний капитал. Кто-то вроде вас.

Джон Мерривейл был польщен. До той минуты никто не говорил, что верит в него.

– Спасибо. Но я не маркетолог. П-поверьте, я теоретик, не продавец, – выдавил он и тут же вспыхнул. Проклятое заикание! Какого черта никак не удается его преодолеть?!

Ленни улыбнулся про себя. Он еще и заика? Парень просто находка! Ни прибавить ни убавить!

– Послушайте, – объяснил он Джону, – продавцы у нас – по тринадцать на дюжину. Мне нужен человек, достойный доверия и умеющий держаться в тени. Тот, кто может уговорить восьмидесятипятилетнего швейцарского банкира расстаться с деньгами своей матушки. Я для этого не гожусь. Слишком...

Он искал нужное слово.

– Слишком бросаюсь в глаза. Мне нужно, чтобы менеджер по предотвращению рисков в пенсионном фонде подумал: «Знаете что? Это честный парень. И он знает свое дело. Мне он нравится больше, чем этот нахальный тип из “Морган Стэнли”». Говорю, Джон, это вы и есть!

Беседа состоялась пятнадцать лет назад. «Кворум» стал самым прибыльным страховым фондом за всю историю Америки. Его щупальца проникли всюду: недвижимость, ипотека, промышленность, сфера обслуживания, технологии. Каждый из шести жителей Нью-Йорка, повторяем, один из шести, работал в компании, балансовые отчеты которой зависели от деятельности «Кворума». А деятельность «Кворума» не вызывала ничего, кроме восхищения. Фонд считался самым надежным в Америке. Даже сейчас, во время худшего с тридцатых годов экономического кризиса, когда гиганты вроде инвестиционных банков «Леман бразерс» и «Беа Стёрнс» валились как подкошенные, а правительство старалось спасти от банкротства такие ранее незыблемые компании, как «Эй-ай-джи»⁵, потерявшие миллиарды, «Кворум» продолжал приносить скромный, но стабильный доход. Мир был охвачен паникой, Уолл-стрит – поставлена на колени. Ленни Брукштайн продолжал придерживаться своей системы, как обычно, на протяжении многих лет. И хорошие времена не кончались.

Много лет Ленни был уверен, что достиг всего. Он покупал себе дома по всему миру, но редко покидал Америку и делил время между особняком на Палм-Бич, квартирой на Пятой авеню и идиллическим поместьем на острове Нантакет. Он устраивал приемы, на которые стремились попасть все. Вкладывал в любимые поместья миллионы долларов. Купил яхту длиной триста футов, интерьер которой делал знаменитый дизайнер Теренс Дисдейл, и четырехтурбинный реактивный лайнер – аэробус «А-340», на котором летал всего дважды. Иногда он спал с одной из моделей, которые вились вокруг... если вдруг обнаруживал, что в настроении заняться сексом. Но он никогда не заводил постоянных подружек. Окруженный десятками людей, ко многим он относился весьма дружелюбно. Но у него не было друзей в обычном смысле слова. Ленни Брукштайна обожали все, кто его знал. Но он ни с кем не был близок. И всем это было известно.

И тут он встретил Грейс Ноулз.

Разница в возрасте между ними была более чем тридцать лет.

Грейс была младшей из знаменитых сестер Ноулз, дочерей покойного нью-йоркского тусовщика и светского льва Купера Ноулза. Купер Ноулз занимался торговлей недвижимостью и сколотил состояние в пару сотен миллионов. Хотя по масштабам ему было далеко до «того Доналда», любили его гораздо больше. Даже конкуренты неизменно отзывались о нем как о «джентльмене», «обаятельном человеке», «старой гвардии». Подобно старшим сестрам, Констанс и Онор, Грейс обожала отца. Ей было одиннадцать лет, когда Купер скончался. Его смерть оставила ничем не заполнимую пустоту в ее душе.

Мать Грейс снова вышла замуж, три раза подряд, и наконец окончательно переехала в Ист-Хэмптон, где жизнь девочек продолжалась обычным порядком: школа, шопинг, вечеринки, каникулы, снова шопинг. Конни и Онор, обе очень хорошенькие, имели большой успех в обществе. Но все поклонники дружно признавали, что самой красивой из сестер была Грейс. Когда в тринадцать лет она стала выступать в соревнованиях по гимнастике, в попытке немного отвлечься от постоянной скорби по отцу, старшие сестры облегченно вздохнули. Гимнастика означала тренировки и постоянные поездки за пределы штата. Конечно, как только они благополучно выйдут замуж, можно будет снова брать Грейс на вечеринки.

Ну а пока что Конни и Онор вполне искренне поощряли роман младшей сестры с гимнастическими брусками.

⁵ Известная страховая компания. «Американ интернэшнл групп».

К восемнадцати годам Грейс прекратила выступления, поскольку считалась слишком старой для этого вида спорта. К тому времени Конни уже успела выскочить за картинно-красивого инвестиционного банкира по имени Майкл Грей, делавшего успешную карьеру в «Леман бразерс». Омор сорвала брачный джек-пот, зааркавив Джека Уорнера, конгрессмена от партии республиканцев в двадцатом избирательном округе Нью-Йорка. Джек считался перспективным кандидатом в сенат, а возможно, в один прекрасный день – и на президентский пост.

Свадьба Уорнеров широко освещалась в прессе, фотографии медового месяца появились в десятках национальных таблоидов. В качестве новой Кэролайн Кеннеди Омор могла позволить себе быть великодушной к младшей сестре. Именно она пригласила Грейс на прием в саду, где та впервые встретила Ленни Брукштайна.

В последующие годы Ленни и Грейс сравнивали ту встречу с ударом грома. Грейс было восемнадцать. Совсем ребенок, не имевший ни малейшего представления о жизни за пределами замкнутого ист-хэмптонского мирка, где ее баловали и всячески ублажали. Даже ее друзья по гимнастической секции были богаты. И все же было в ней нечто восхитительно естественное, не присущее избалованным деткам обеспеченных людей.

Ленни Брукштайн привык видеть вокруг себя женщин, которых его мать назвала бы «особами легкого поведения». Каждая девица, с которой он спал, непременно чего-то от него хотела. Драгоценности, деньги, меха, машины... словом, их интересовало нечто материальное.

Всех, кроме Грейс. У нее было качество, которого Ленни никогда не имел, но которое страстно желал заполучить. Нечто столь бесценное и неуловимое, что он почти изверился в том, что оно существует. Невинность.

Ленни Брукштайн жаждал завладеть Грейс Ноулз. Держать невинность в ладонях. Стать ее хозяином.

Причина влечения Грейс объяснялась еще проще. Девушка нуждалась в отце. В человеке, который защищал бы ее и любил такой, какая она есть. Как в детстве любил дочку Купер Ноулз. Правда заключалась в том, что Грейс мечтала снова вернуться в детство, к тому времени, когда она была абсолютно, безоглядно счастлива. Ленни Брукштайн предложил ей эту возможность. Грейс ухватила за нее обеими руками.

Шесть недель спустя они поженились в Нантакете, в присутствии шестисот ближайших друзей Ленни. Шафером был Джон Мерривейл. Подружками – его жена Кэролайн и сестры Грейс.

Как-то вечером, во время медового месяца на острове Мюстик, Ленни нервно спросил: – Как насчет детей? Мы никогда это не обсуждали. Полагаю, ты рано или поздно захочешь стать матерью.

Грейс долго, задумчиво смотрела на океан, на поверхности которого плясали отблески мягкого лунного света, прежде чем ответить.

– Не слишком. Конечно, если ты хочешь детей, я с радостью рожу их тебе. Но я вполне счастлива тем, что есть. Мне больше нечего желать. Понимаешь, о чем я?

Ленни прекрасно понимал.

Это был один из самых счастливых моментов его жизни.

– Ты уже решила, что наденешь?

Прежде чем лечь, Ленни нацепил на нос очки для чтения и вынул из дипломата какие-то документы.

– Решила. Но это секрет. Я хочу тебя удивить.

Днем Грейс вместе со старшей сестрой Омор провела несколько беззаботных часов в бутике «Валентино». У Омор был безупречный вкус, и сестры любили делать покупки вместе. Управляющий закрыл магазин, чтобы дамы смогли спокойно выбрать платья.

– Я чувствую себя авантюристкой! – хихикнула Грейс. – Откладывать столь важную покупку до последней минуты!

– Знаю! Мы нарушаем все традиции, Грейси.

Бал в «Кворуме» действительно считался главным светским мероприятием сезона. Празднуемый в первых числах июня, он открывал летний сезон для привилегированной элиты Манхэттена. Спустя неделю начинался массовый исход в Ист-Хэмптон. Большинство женщин, получивших приглашение на завтрашнюю ночь в «Плазе», обдумывали свои туалеты, как генералы, планирующие военную кампанию. За несколько месяцев. Заказывали шелка из Парижа и бриллианты из Израиля. Неделями голодали, чтобы живот стал как можно более плоским.

Конечно, в этом году придется затянуть пояса. Все только и говорили о плачевном состоянии экономики. Утверждали, что жители Детройта вышли на улицы. В Калифорнии тысячи безработных поставили палатки вдоль берегов Американ-Ривер. Заголовки газет вопили, предвещая беду. Но для Грейс Брукштайн и ее приятельниц ничто не могло сравниться с тем шоком, который они испытали, услышав о банкротстве «Леман бразерс». Катастрофа казалась пулей, пролетевшей в опасной близости. Майкл Грей, зять Грейс, за одну ночь стал нищим. Это был настоящий кошмар!

– В этом году бал нужно проводить в иной тональности, – сказал Ленни жене. – Люди больше, чем когда бы то ни было, нуждаются в деньгах, которые мы сумеем собрать.

– Разумеется, дорогой.

– Но при этом не стоит пускать пыль в глаза. Сочувствие. Сочувствие и сдержанность. Вот наши ключевые слова.

Грейс с помощью Онора выбрала ОЧЕНЬ сдержанное черное шелковое платье «Валентино». А ее лодочки от Лабутен?! Сама простота! Ей не терпелось показаться во всем этом Ленни.

Скользнув в постель рядом с мужем, Грейс выключила лампу на тумбочке.

– Секунду, милая.

Ленни перегнулся через нее и снова нажал на кнопку выключателя.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что подписала. Где это...

Он порылся в бумагах, разбросанных на его стороне кровати.

– А, вот оно!

И протянул Грейс документ. Та взяла ручку и уже собиралась поставить росчерк, когда Ленни покачал головой и рассмеялся.

– Вот это да! Даже не прочтешь?

– Нет. Зачем мне?

– Ты даже не знаешь, что подписываешь, Грейси! Разве отец никогда не советовал тебе не ставить подписи неизвестно на чем?

Грейс подалась к мужу и поцеловала.

– Конечно, советовал. Но, дорогой, ведь ты все прочитал, верно? Я доверила бы тебе свою жизнь, Ленни. И ты это знаешь.

Ленни улыбнулся. Грейс говорила правду. Он знал. И каждый день благодарил за это Бога.

На углу Пятой авеню, перед культовым фасадом «Плазы» в стиле бо-арт, собралась целая армия представителей прессы. Ленни Брукштайн давал бал сезона, на который собрались самые яркие звезды. Миллиардеры и принцы, супермодели и политики, актеры, певцы, филантропы. И причиной такого рвения вовсе не было горячее желание помочь бедным. У приглашенных имелось нечто общее. Все они были победителями.

Одними из первых прибыли сенатор Джек Уорнер и его супруга Онора.

– Еще раз обогните квартал! – рявкнул сенатор водителю. – Какого черта вы приехали так рано?

Водитель неслышно вздохнул. «Десять минут назад ты из себя выходил, требуя прибавить скорость, – подумал он. – Пора бы уже решить, чего ты хочешь, задница немытая!»

– Да, сенатор Уорнер. Прошу прощения, сенатор Уорнер, – пробормотал он вслух.

Онор украдкой изучала разгневанное лицо мужа. Он весь день рвет и мечет. С тех пор как вернулся после встречи с Ленни. Хоть бы не испортил сегодняшний вечер!

Онор пыталась быть понимающей женой. Она знала, что политика – тяжелая профессия и стрессов не избежать. Достаточно сложно ей приходилось, когда Джек был конгрессменом. Но с тех пор как его избрали в сенат (в поразительно молодом возрасте: всего тридцать шесть!), дела пошли еще хуже. Весь мир считал Джека Уорнера республиканским мессией, вторым пришествием Джека Кеннеди нового тысячелетия. Высокий блондин с точеными чертами лица, мужественным подбородком и пристальным взглядом синих глаз, сенатор Уорнер был предметом обожания электората. Особенно женской части. Политик провозглашал незыблемость порядочности, морали, старомодных семейных ценностей, горой стоял за сильную, гордую Америку, которая, что тревожило многих избирателей, рушилась под ногами.

Достаточно было увидеть в выпуске новостей сенатора рука об руку с прелестной женой и двумя светловолосыми дочерьми, чтобы у зрителей вновь возродилась вера в Американскую Мечту.

Ах если бы они только знали!

Миссис Уорнер едва заметно качнула головой.

Но откуда им знать? Никому и в голову не придет...

– Тебе нравится мое платье, Джек? – робко спросила она.

Сенатор повернул голову, пытаясь вспомнить, когда в последний раз испытывал желание к жене. Странно, ведь в ней нет ничего непривлекательного. Довольно хорошенькая. Не жирная. И фигурка вполне...

На самом деле Онор была более чем хорошенькая: широко поставленные зеленые глаза, белокурые локоны, высокие скулы, – не даром в обществе она слыла красавицей. Не такой, как ее сестра Грейс, но тем не менее...

Сегодня она была затянута в узкое платье без бретелей от Валентино, цвета морской волны, в тон глазам. Мужчины сойдут с ума, увидев ее в таком наряде. На взгляд любого стороннего наблюдателя, Онор Уорнер выглядела чертовски сексуально.

– Неплохо, – резко бросил Джек. – Сколько стоило?

Онор прикусила губу.

Она не должна плакать! Иначе потечет тушь!

– Платье взято напрокат. Как и изумруды. Грейс нажала на соответствующие кнопки.

– Как великодушно с ее стороны! – горько усмехнулся сенатор.

– Пожалуйста, Джек!

Жена осторожно коснулась его колена, пытаясь успокоить, но он отбросил ее руку, постучал в стеклянную перегородку и велел водителю:

– Поезжайте к «Плазе». Раньше начнешь, раньше закончишь.

К девяти часам в большом бальном зале «Плазы» яблоку негде было упасть. По обеим сторонам, под идеально реставрированными арками, стояли столы, сверкавшие ярко начищенным серебром.

Свет люстр играл на бриллиантах дам, восхищавшихся туалетами от-кутюр друг друга и обменивавшихся кошмарными новостями насчет последних финансовых проблем несчастных мужей.

– В этом году мы ни в коем случае не сможем позволить себе Сен-Тропез! Не получится.

– Гарри собирается продать яхту. Можете поверить? Он так ее любил. Наверняка сначала продал бы детей, если бы кому-то вздумалось их купить!

– Слышали о Джонасах? Только что выставили на продажу городской дом. Люси хочет за него двадцать три миллиона, но при теперешнем рынке?! Карл считает, что им очень повезет, если удастся получить половину!

Ужин подали ровно в девять тридцать. Все взгляды устремились к главному столу, где среди преданного круга придворных «Кворума» во всем королевском великолепии восседали Ленни и Грейс, обмениваясь нежными взглядами.

Другие хозяева, пониже рангом, возможно, предпочли бы усадить за свой стол самых glamorous, самых знаменитых гостей. Здесь присутствовали князь Монако Альберт, Брэд Питт и Анджелина Джоли, Боно с женой Али. Но Брукштайны предпочли иметь соседями родственников и близких друзей: вице-президента и вторую леди «Кворума» Джона и Кэролайн Мерривейл, еще одного топ-менеджера Эндрю Престона и его пышногрудую жену, сенатора Уорнера с женой Омор и старшую из сестер Ноулз Констанс с мужем Майклом.

Ленни произнес тост:

– За «Кворум». И всех, кто с нами в одной лодке!

– За «Кворум»!

Эндрю Престон, красивый, хорошо сложенный мужчина средних лет, с добрыми глазами и мягкой улыбкой, наблюдал за женой, стоявшей с бокалом шампанского в руке.

Опять новое платье! И как он будет за него платить?

Не то чтобы оно ей не шло.

Бывшая актриса и оперная звезда Мария Престон была неотразима. Грива каштановых волос и отвергающие все законы тяготения сливочно-белые груди были самыми запоминающимися в ее облике. Но манера держаться, искры в глазах, глубокие горловые переливы смеха заставляли мужчин падать к ее ногам. Никто не мог понять, что заставило такую высоковольтную линию, как Мария Кармин, выйти за обычного, ничем не примечательного бизнесмена вроде Эндрю Престона. И сам Эндрю меньше всех это понимал.

Она могла составить счастье любого. Кинозвезды. Или миллиардера вроде Ленни. Может, так было бы лучше.

Эндрю Престон безумно любил жену. И из-за этой любви, и глубочайшего сознания собственной заурядности прощал ей все. Измены. Ложь. Бесчисленные связи. Бесконтрольное мотовство.

Эндрю зарабатывал в «Кворуме» хорошие деньги. По стандартам многих, он имел целое состояние. Но чем больше он получал, тем больше тратила Мария. Это превращалось в болезнь. Нечто вроде наркомании. Месяц за месяцем она снимала с их общей карточки «Американ экспресс» сотни тысяч долларов. Одежда, машины, цветы, бриллианты, гостиничные номера по восемь тысяч за ночь, которую она проводила бог знает с кем... впрочем, не это было важно. Мария швырялась деньгами ради удовольствия бросать на ветер крупные суммы. Это щекотало ей нервы.

– Хочешь, Энди, чтобы я выглядела нищенкой? Хочешь, чтобы я сидела с этой наглой сучкой Грейс Брукштайн в каком-то уродстве из секонд-хэнда?

Мария завидовала Грейс. Это было чертой ее страстной итальянской натуры, но именно эту страсть и любил в ней Эндрю.

– Дорогая, ты женщина, до которой Грейс далеко, – попытался он разубедить жену. – Ты затмила бы ее, даже надев мешок из-под муки!

– Хочешь, чтобы я надела мешок сейчас?

– Нет, разумеется, нет. Но, Мария, наши выплаты по закладным... может, выберешь из тех, что у тебя есть? Только в этом году. У тебя так много...

Этого говорить не стоило. Мария наказала мужа, купив не только новое, но и самое дорогое платье, которое смогла найти, с отделкой из драгоценных камней, перьев и кружев.

При взгляде на ее туалет у Эндрю сжалось сердце. Их долги угрожающе росли.

Ему придется снова потолковать с Ленни. Но старик был так великодушен... Сколько еще испытывать его терпение, прежде чем оно лопнет?

Эндрю сунул руку во внутренний карман смокинга и, удостоверившись, что никто не смотрит, сунул в рот три таблетки ксанакса⁶ и запил шампанским.

– Ты всегда знал, что Марию будет трудно удержать. Найди способ, Эндрю. Найди способ...

– Ты в порядке, Эндрю?

Кэролайн, жена Джона Мерривейла, обратила внимание на пепельное лицо Престона.

– Выглядишь так, словно несешь на плечах всю тяжесть земли.

– Ха-ха!

Эндрю вымучил улыбку.

– Зато ты, Каро, как всегда, неотразима.

– Спасибо. Мы с Джоном старались сегодня не выделяться. Ну, знаешь, учитывая нынешнее состояние экономики.

Это был явный камешек в огород Марии. Эндрю ничего не ответил, но в который раз подумал, как сильно ненавидит Кэролайн Мерривейл. Бедняга Джон всю жизнь извивается под каблуком этой стервы. Неудивительно, что у него всегда такой пришибленный вид!

Всем имевшим глаза было очевидно, что Мерривейл несчастлив в браке. Всем, кроме Ленни и Грейс. Эти двое были так тошнотворно влюблены друг в друга, что, похоже, считали, будто и у всех остальных дела обстоят ничуть не хуже.

Легко любить, когда имеешь миллиарды долларов и не знаешь, куда их девать!

Но может, Эндрю просто несправедлив? Молодая миссис Брукштайн не золотоискательница. Наивна – это да, она действительно верила, что Каро ее друг. Грейс никогда не замечала, какая зависть горела в глазах Кэролайн, когда та думала, что никто этого не видит. Но от Эндрю невозможно было скрыть ее истинные чувства. Кэролайн – настоящая сука!

Кэролайн исходила злобой от того, что не она, а Грейс первая леди «Кворума». Она, Кэролайн Мерривейл, выглядела бы в этой роли куда лучше! Скорее интересная, чем красивая, брюнетка с умным, волевым лицом и коротко стриженными волосами, Кэролайн когда-то сделала блестящую карьеру адвоката по уголовным делам. Конечно, это было много лет назад. Благодаря Ленни Брукштайну ее муж Джон стал невероятно богатым и успешным человеком. С карьерой Кэролайн было покончено. Но не с ее амбициями.

В отличие от жены Джон был лишен честолюбия. Он много работал, беспрекословно принимал все, что давал ему Ленни, и был благодарен за это.

– Ты похож на приبلудного щенка, Джон, – зло подшучивала над мужем Кэролайн. – Свернулся клубком у ног хозяина и преданно виляешь хвостиком. Неудивительно, что Ленни тебя не уважает.

– Ош-шибаешься. Ленни меня уважает. Не то что т-ты.

– Ты прав. Но за что тебя уважать? Мне нужен мужчина, а не комнатная собачка. Тебе следует потребовать равных с Ленни прав. Поднимись наконец и попытайся постоять за себя.

Эндрю поднял глаза на сидевшего напротив Джона. Ленни рассказывал анекдот, и Джон ловил каждое слово. Блестящий ум. Но характер... слабак! В «Кворуме» есть место только для одного короля. Конечно, Кэролайн мечтает, чтобы это было не так. Мечтать не вредно. Все они цепляются за фалды фрака Ленни Брукштайна. И в этом им очень повезло!

Старина Майкл Грей, сидевший справа от Марии, тоже внимательно слушал Ленни. Чета Грей служила ходячим предупреждением всем остальным. Только вчера они купались в деньгах, давали шумные вечеринки, гремели на весь Манхэттен, жили в роскошном особняке в Гринвич-Виллидже, проводили лето на юге Франции, а зиму – в недавно перестроенном шале

⁶ Транквилизатор.

в Аспене. А сегодня – пуф! – все исчезло. Ходили слухи, что Майк Грей вложил все, до последнего цента, в акции «Леман». Их дети, Кейд и Купер, все еще посещали частные школы, но только потому, что Грейс, сестра Конни, настояла на том, чтобы оплачивать обучение.

– Энди, аукцион начинается через несколько минут, – шепнула Мария мужу. – Я положила глаз на винтажные часы Картье. Кто будет делать ставки: ты или я?

Во время аукциона Грейс улыбалась и аплодировала, но втайне обрадовалась, когда последний лот ушел и настало время танцев.

– Ненавижу аукционы, – пробормотала она, когда Ленни кружил ее по залу. – Все эти хрупкие мужские эго, эти попытки переплюнуть друг друга. Колотят себя в грудь, как орангутаны!

– Знаю.

Ленни украдкой погладил жену по попке.

– Но эти самые колотильщики в грудь только сейчас собрали пятнадцать миллионов для нашего фонда. При таком состоянии экономики совсем неплохо, согласись!

– Что скажешь, если я отберу у тебя кавалера? За ночь я даже не поговорила со своим любимым зятем! – воскликнула Конни, обнимая младшую сестру за талию. Грейс и Ленни улыбнулись.

– Значит, любимый зять? – фыркнула Грейс. – Не дай Бог, Джек услышит!

– О, Джек! – пренебрежительно отмахнулась Конни. – Весь вечер сидит надутый как индюк! Я думала, быть сенатором – это класс! А глядя на него, всякий решит, что это он потерял свой дом. И работу. И сбережения. Пойдем, Ленни, хоть ты развесели девушку!

Грейс с улыбкой покачала головой, глядя вслед танцующей паре. Господи, как она их любит! Как восхищается ими! Подумать только. У Конни хватает сил подшучивать над собой, хотя они с Майком сейчас живут как в аду! А Ленни, с его невероятным, неистощимым состраданием! Люди всегда судачат, как Грейс повезло выйти замуж за него. И Грейс тоже это поражало. Но счастье не в деньгах Ленни. В его доброте.

Конечно, в их браке были и свои недостатки. Так много людей любили и полагались на Ленни, что на Грейс у него вечно не хватало времени. На следующей неделе они на полмесяца летят в Нантакет, ее самое любимое место на свете. Но разумеется, Ленни, как гостеприимный хозяин, приглашал туда всех, кто сегодня сидел за столом.

– Пообещай, что мы хотя бы ночь проведем в одиночестве! – взмолилась Грейс, когда они наконец легли спать. На балу, конечно, было весело, но она ужасно устала. Мысль о необходимости общаться с кем-то нагоняла тоску.

– Не волнуйся. Приедут не все. А если и приедут, мы улучим больше, чем одну ночь. Обещаю. Дом достаточно велик, чтобы удрать от гостей.

И это верно. Дом был огромный. Почти такой же, как сердце ее любимого мужа.

Глава 2

В субботнее утро после бала Джон с женой еще были в постели.

– П-пожалуйста, Кэролайн! Я не хочу!

– Плевать мне на то, что ты хочешь, жалкий слизняк! Давай!

Джон Мерривейл зажмурился и пополз вниз, пока глаза не оказались на одном уровне с аккуратно подстриженным черным треугольником.

– Не будь ты таким ничтожным импотентом с вечно повисшим прибором, все это было бы мне ни к чему. Но поскольку у тебя опять не поднимается, это самое малое, что ты можешь сделать.

Джон принялся исполнять приказ. Он ненавидел оральный секс. Считал его омерзительным. Но давно миновали те дни, когда ему было позволено следовать собственным желаниям. Его сексуальная жизнь была цепью еженощных унижений. А хуже всего были уик-энды. Кэролайн ожидала утренних «упражнений» по субботам, а иногда и по воскресеньям. Джон всегда недоумевал, как женщина, столь очевидно его презирающая, по-прежнему жаждет секса. С ним. Но Кэролайн, похоже, наслаждалась, унижая мужа. Подчиняя своей воле.

Чувствуя, как она яростно извивается под ласками его языка, Джон едва подавил рвотные судороги. Иногда он в своих фантазиях представлял, как избавляется от Кэролайн.

Пойти на работу и не вернуться... Подсыпать ей снотворное и задушить во сне.

Джон отлично сознавал, что у него не хватит отваги на что-то подобное. И это было самым худшим в его невыносимом браке.

Его жена во всем права. Он действительно слабак. И трус.

В самом начале, когда они впервые встретились, Джон надеялся, что столь доминирующая личность, как Кэролайн, поделится с ним своей силой. И тогда ее уверенность в себе и амбиции компенсируют его застенчивость. В течение нескольких счастливых месяцев так оно и было. Но вскоре натура жены проявилась в полной мере. В отличие от Ленни амбиции жены не были созидательной силой – скорее черной дырой, подогреваемым завистью водоворотом, высасывавшим жизнь из всякого, кто смел к нему приблизиться. К тому времени как Джон Мерривейл осознал, с каким чудовищем живет, было слишком поздно. Если он подаст на развод, она на весь мир ославит его импотентом. А такого унижения он не вынесет.

К счастью, у Кэролайн ушло минуты две, чтобы получить оргазм. Отдышавшись, она встала и промаршировала в душ, предоставив Джону сменить постельное белье. Ему не было нужды выполнять черную работу: Мерривейлы содержали небольшую армию слуг и горничных, убиравших особняк, больше похожий на дворец. Но Кэролайн настаивала, чтобы перестилал постель именно муж. Однажды, посчитав, что он неаккуратно заправил простыни, она разбила флакон с духами об его физиономию. Чтобы зашить рану, потребовалось шестнадцать швов – на левой щеке до сих пор остался шрам. Джон сказал Ленни, что на него напали хулиганы, и это, по его мнению, было не так уж далеко от истины.

Не будь Ленни, Джон покончил бы с собой много лет назад. Дружба Ленни, его искреннее теплое отношение, готовность пошутить, даже когда дела шли худо, были самыми важными в жизни Джона. Он существовал только ради работы в «Кворуме» и своих обязанностей, не ради денег или власти, которые они ему давали... нет. Он хотел, чтобы Ленни гордился им. Ленни Брукштайн был единственным, кто верил в Джона. Неуклюжий, застенчивый, физически непривлекательный, с рыжими волосами, бледной кожей и нескладной фигурой, Мерривейл никогда не был популярным. У него не было братьев и сестер, с которыми Джон мог бы поделиться своими неприятностями или отпраздновать скромные успехи. Даже родители разочаровались в нем. Конечно, вслух они ничего подобного не говорили. Да в этом и не было нужды. Джон чувствовал это, едва входил в комнату.

На свадьбе с Кэролайн Джон подслушал, как мать говорила одной из его теток:

– Конечно, мы с Фредом в полном восторге. Вот уж не думали, что Джон женится на такой умной привлекательной девушке. По правде говоря, мы вообще оставили всякую надежду на то, что он женится. То есть будем откровенны: он милый мальчик, но вряд ли похож на Кэри Гранта!

Тот факт, что собственная жена унижает его, больно ранил Джона. Но не удивлял. Люди презирали его всю жизнь. Ленни Брукштайн и его безмерное доверие были главной ценностью в жизни Джона. Он был обязан Ленни всем.

Конечно, Кэролайн так не считала. Ее зависть к Ленни и Грейс с годами только росла, и постепенно стала такой жгучей, что приходилось прилагать немало усилий, чтобы скрыть ее на людях. В беседах с глазу на глаз она называла Ленни стариком, а Грейс – стервой.

Но последнее время Кэролайн почти не давала себе труда притворяться. Ненависть была написана на ее лице. И поэтому события вроде вчерашнего бала становились тяжким испытанием для Джона. Его любовь к Ленни была преданной и огромной, но страх перед женой – еще большим. И Кэролайн отлично это знала.

За завтраком Джон пытался вести светскую беседу.

– Вчера мы собрали приличную сумму, особенно учитывая обстановку...

Кэролайн отпила кофе и не ответила.

– Ленни н-навверняка был доволен.

– Пятнадцать миллионов? – пренебрежительно рассмеялась Кэролайн. – Для старика это семечки! Он с таким же успехом мог выписать чек и покончить с этим. Но конечно, это означало бы, что придется обойтись без подхалимства! Все великие и прославленные твердят ему, какой он чудесный, благородный филантроп! И как же наша милая Грейс переживет, если ее снимок в тысячный раз не появится на страницах газет! Боже упаси!

Джон намазал тост маслом, избегая взгляда жены. Он по опыту знал, что гнев Кэролайн может вспыхнуть по любому поводу, а чаще – без повода. Одно неверное движение – и ярость обрушится на него.

Он снова проклял себя за трусость.

Почему он так ее боится?

Надеясь умаслить супругу, он промямлил:

– Кстати, Ленни пригласил нас в Нантакет на всю следующую неделю. Не волнуйся, я отказался.

– Какого черта?

– Я... я... полагал, что...

– Ты полагал?

Глаза Кэролайн от ярости едва не вылезли из орбит.

– Как ты посмел что-то полагать?

Джону показалось, что она собирается его ударить. К своему стыду, он услышал, как чашка дробно постукивает о блюдечко.

– Кто еще приглашен?

– Д-д-думаю, все. Престоны. С-сестры Грейс. Не знаю точно.

– Хочешь позволить Престону снова присосаться к Ленни и протиснуться на второе место в «Кворуме», отодвинув тебя? Господи, Джон! До чего же ты глуп!

Мерривейл открыл было рот, чтобы возразить, но тут же плотно сжал губы. В бизнесе дела ведут не так. Эндрю Престон даже не надеется занять должность Джона. И пытаться не станет! Не посмеет. Но какой смысл объяснять это Кэролайн?!

– Значит, ты хочешь поехать?

– Не хочу, Джон! Откровенно говоря, не могу придумать ничего хуже, чем торчать вместе с этой молоденькой дурочкой, женой Ленни, на каком-то Богом забытом острове, да еще целых семь дней! Но я поеду. И ты тоже!

Она величественно выплыла из комнаты.

После ее ухода Джон позволил себе слегка улыбнуться.

Он сделал это! Они – едут! На самом деле едут! Метод уговоров от обратного работал безукоризненно. Требовалось лишь немного хитрости. Вероятно, стоило бы применять его почаще?

Глава 3

Сенатор Джек Уорнер проснулся субботним утром в состоянии глубокого похмелья. Онор уже ушла на занятия йогой. Снизу, из игровой комнаты их идиллического дома в сельском стиле в округе Уэстчестер, доносились голоса дочерей. Бобби и Роуз, очевидно, сцепились не на жизнь, а на смерть.

Какого черта Илзе не следит за ними?

Новая няня-голландка делала фантастический минет, но в смысле ухода за детьми оставляла желать лучшего. Пока что Джек противился требованиям Онор уволить Илзе, но сегодня утром изменил свое мнение. Спокойное субботнее утро в постели стоило куда больше самого классного минета. В мире сенатора Джека Уорнера получить хороший минет было проще простого. А вот уединение и покой – бесценны.

Впервые Джек Уорнер осознал, что хочет стать президентом Соединенных Штатов, в три года. Это был август 1974-го. Его родители смотрели по телевизору отречение Ричарда Никсона.

– Что делает этот человек? – спросил маленький Джек у матери. Но ответил отец:

– Оставляет лучшую работу в мире, сынок. Он лгун и придурок.

Джек минуту-другую обдумывал сказанное.

– Если он придурок, как же сумел получить лучшую в мире работу?

– Хороший вопрос! – рассмеялся отец.

– Но кто теперь будет выполнять его работу?

– Почему ты спрашиваешь, Джеки?

Отец посадил малыша на колени и любовно взъерошил волосы.

– Сам хочешь на его место?

Да! Конечно, да! Если это лучшая работа в мире, значит, она ему нужна!

До сих пор путь Джека в Белый дом был прямее древка стрелы. Первый в своем классе в Андовере? Очко. Постоянная работа волонтером и на государственной службе? Очко. Учеба в Йеле, Гарвардская школа права, партнерство в престижной юридической фирме? Очко, очко, очко.

Два раза он стажировался, работая на избирательных кампаниях по выборам в сенат.

Джек Уорнер баллотировался в конгресс, выиграв место в двадцатом избирательном округе, в поразительно молодом возрасте – ему было двадцать девять.

Уорнер никогда не обзаводился друзьями, не соглашался на работу, не посещал вечеринку, не продумав все. Как это будет выглядеть в его послужном списке?

В тех редких случаях, когда он спал с совершенно неподходящей с точки зрения приличного общества девушкой, приходилось делать это подальше от любопытных глаз потенциальных избирателей. Но подобные отступления от правил были крайне редки. Джек всегда оказывался в нужное время в нужном месте, в компании нужных людей. Он знал, что его плюсы – внешность типичного американца, репутация порядочности и демонстрация очевидной доброты, которую он излучал без всяких усилий.

Как и все в жизни Джека Уорнера, женитьба на Онор Ноулз была тщательно спланированным политическим решением.

Как-то Фред Фаррел, ответственный за избирательную кампанию Джека, сообщил:

– Данные показывают, что многие считают тебя слишком молодым, чтобы заседать в сенате. Нам необходимо «состарить» твой имидж. Сделать более зрелым.

– И как? – раздраженно бросил Джек. – Отрастить бороду? Начать носить жилеты?

– Собственно говоря, борода – не такая плохая идея. Но на самом деле тебе нужно жениться. Конечно, незамужние женщины тебя обожают, но тебе лучше обзавестись семьей.

– Прекрасно. Приглашу Карен на уик-энд.

Карен была постоянной подругой и первой серьезной влюбленностью Джека за последние десять месяцев. Единственная дочь в уважаемом семействе – отец Карен когда-то был руководителем аппарата в Белом доме. Кроме того, Карен была красивой, умной и доброй. И просто обожала Джека. Они даже поговаривали о том, что поженятся, когда Карен окончит колледж, а конгресс распустят на каникулы. Очевидно, этот прекрасный день настал.

Но Фред Фаррел почему-то нахмурился.

– Я не уверен, что Карен – лучший выбор. Конечно, милая девочка и все такое. Но в качестве твоей жены...

– Что в ней плохого? – вспыхнул Джек.

– Да ничего! Ничего личного, Джек. Но в идеале лично я предпочел бы кого-то менее наивного. С не слишком хорошеньким личиком. Красивая жена отпугнет избирателей... Нужен кто-то повыше классом. И не повредит, если она будет богата.

– Но почему?

Фред Фаррел покачал головой.

– Нужно думать о будущем, дорогой мальчик. Полагаю, твои политические амбиции не ограничиваются сенатом?

– Разумеется, нет.

– Прекрасно. В таком случае начинай мыслить практично. Имеешь хоть какое-то представление, сколько нынче стоит президентская кампания?

Джек имел вполне ясное представление. Многие богатые люди теряли все в погоне за мечтой оказаться в Белом доме. Но жениться ради денег? Какой дурной тон!

– Послушай. У меня на примете есть девушка. Познакомься с ней. Обдумай все. Давить на тебя я не собираюсь.

Три месяца спустя конгрессмен Джек Уорнер преодолел свои предубеждения против брака по расчету и женился на известной светской тусовщице Онор Ноулз: событие, широко освещавшееся СМИ. В тот день, когда они отправились в свадебное путешествие, Карен Коннелли покончила с собой – перерезала вены в ванне. История не просочилась в прессу только благодаря всеобщему уважению к отцу девушки.

Для Онор Ноулз бурный роман с самым завидным женихом, неотразимым конгрессменом, был самым волнующим событием в ее жизни. С самого детства Онор чувствовала себя никому не нужной. Старшая сестра Констанс, любимица матери, считалась мозгом семьи. Младшая Грейс была ненаглядной для отца... пока тот был жив. Онор оставалась в стороне. И никого не волновало, что она тоже способная и не менее привлекательная, чем сестры. Пятое колесо в телеге. Певичка бэк-вокала, которую никто не замечает!

И вдруг такая неожиданность. Красивый молодой человек, и не абы кто, а сам Джек Уорнер, возможный будущий президент, выделил ее из всех остальных девушек!

Онор была в таком восторге, что ей в голову не пришло усомниться в мотивах Джека. Или удивиться скорости, с которой он потащил ее к алтарю. Она скоро усвоила, что Джек все делает быстро. Он сделал предложение едва ли не на первом свидании. Не успела она предложение принять, он зарезервировал церковь. Не успели они вернуться из свадебного путешествия, он потребовал от нее ребенка.

– Что за спешка? – рассмеялась Онор, глядя белокурую голову мужа. Иногда ей хотелось ущипнуть себя, когда она просыпалась рядом с Джеком. Он был самым совершенством. Совершенством не только внешне, но и внутренне. Благородным, храбрым, порядочным. Он хотел сделать столько хорошего для Америки! – Мы только что поженились, – заметила она. – Неужели нельзя немного пожить для себя?

Но Джек был настойчив. Он хотел семью, причем прямо сейчас. Во время их медового месяца на Таити Онор сильно тревожилась. В первое же утро Джеку позвонили, и он так расстроился, что даже не пошел на сеанс дайвинга.

– Ты иди, а я должен работать, – коротко бросил он и весь остаток дня почти с ней не разговаривал. А ночью, во сне, звал какую-то Карен. Когда же утром молодая жена спросила, кто это, занял глухую оборону:

– Господи, Онор, теперь ты будешь допытываться, что я видел во сне?

После этой стычки Джек ушел в себя, был холоден и неприветлив, не говорил о том, что его беспокоит, избегал даже намека на близость. Он отказывался заниматься любовью. Но, вернувшись в Нью-Йорк, он, к невероятному облегчению Онор, оттаял и внезапно стал буквально набрасываться на нее в постели.

Наверное, он не хотел бы детей, если бы не любил, рассуждала она. И таким образом извиняется за Таити. И действительно, к чему ждать? Что может быть прекраснее маленькой копии Джека у нее на руках?

Их первая дочь Роберта родилась через девять месяцев. Еще через год на свет появилась ее сестра Роуз. К сожалению, Онор еще не успела восстановить форму после первых родов, когда забеременела Роуз. В результате, когда Джек повез ее в ресторан, она весила почти на пятьдесят фунтов больше, чем в день свадьбы.

– Почему бы тебе снова не начать бегать? – без обиняков спросил Джек, когда подали эскалопы. – Обратись к сестре и ее тренеру. Грейс выглядит просто фантастически. Должно быть, этот парень творит чудеса.

С таким же успехом он мог воткнуть иглу в глаз Онор.

Грейс! Вечно Грейс! Почему от этой Грейс нет спасения?!

Выходя замуж за Джека Уорнера, Онор впервые в жизни чувствовала себя звездой. Подрастая, Грейс неизменно отнимала у сестры первенство, и хуже всего – делала это ненамеренно. Стоило ей войти в комнату, и все жмурились, словно от яркого света, а Онор оставалась в тени.

Она честно пыталась задушить неприязнь и зависть. Знала, что Грейс любит ее, считает лучшей подругой.

И все же были моменты, когда Онор Ноулз мечтала о том, что с сестрой произойдет «несчастный случай». Представляла, как Грейс падает с брусьев и на полу, нелепо скорчившись, лежит изломанное, некогда идеальное тело. Или как ее выносят, обгоревшую и изуродованную, из покореженной машины.

Она стыдилась своих фантазий, но на душе становилось легче.

Выйдя замуж за Джека, Онор надеялась, что все позади. Теперь, когда она счастлива и знаменита, когда к ней пришла любовь, она сможет быть той старшей сестрой, о которой всегда мечтала Грейс.

Ничего подобного. По иронии судьбы именно Онор познакомила сестру с Ленни Брукштайном, одним из тех, кто финансировал избирательную кампанию Джека. Через две недели Грейс объявила, что они любят друг друга.

Сначала Онор решила, что сестра шутит, а когда поняла свою ошибку, почувствовала, как к горлу подкатила тошнотная волна.

– Но, Грейси, тебе всего восемнадцать! Он годится тебе в дедушки.

– Знаю. Это безумие! – залилась Грейс своим смехом, от которого мужчины таяли, как масло на сковороде. – Никогда не думала, что смогу испытывать к мужчине такие чувства, как к Ленни... но я ужасно счастлива, Онор! Честно! И Ленни тоже. Порадуйся за нас.

Но Онор буквально взбесилась.

Для Грейс недостаточно выйти за нормального, богатого инвестиционного банкира, как это сделала Конни. О нет! Красотка без усилий поймала самого известного в Нью-Йорке мил-

лиардера! Краткий миг славы Онор Ноулз был позади. Пока она торчит дома, толстая, измученная, похожая на курицу-наседку, Грейс снова стала звездой, предметом зависти всего города. А теперь Джек, любимый муж, ставит ей в пример младшую сестру только потому, что она набрала несколько фунтов, рожая ему детей! Это невыносимо.

Тем не менее Онор все вынесла. Стоически и молча. Точно так же, как выносила полное равнодушие Джека к ней и детям, его эгоизм, ненасытные амбиции, а последнее время и измены. Она потеряла вес. Каждый набранный фунт.

Публика полагала, что сенатор Уорнер и его жена – идеальная пара. Онор не собиралась лишать их иллюзий. Ей оставалось только притворяться. И она притворялась. Нежно улыбалась Джеку, когда тот произносил речи. Давала журналам интервью, в которых делилась кулинарными рецептами, а также расписывала достоинства Джека как отца, мужа и хозяина дома. Разумеется, она знала, что единственное место приложения рук Джека – груди няньки, но была готова скорее умереть, чем рассказать об этом.

Так же ловко она скрывала ненависть к сестре. Внешне ничего не изменилось. Онор была близка и с Конни, и – особенно – с Грейс. Сестры вместе обедали дважды в неделю, не говоря уже о походах по магазинам и отдыхе в семейном кругу. Но под маской любящей сестры ненависть и зависть кипели раскаленной магмой.

Джек требовал, чтобы жена укрепляла связи с Брукштайнами.

– Это беспроектный вариант, дорогая. Проводи с Грейс побольше времени. Я знаю, как сильно ты ее любишь. А я буду почаще встречаться с Ленни. Если через четыре года он согласится финансировать мою избирательную кампанию, я обязательно окажусь в Белом доме.

Онор хорошенько обдумала слова мужа. Если Джек всерьез решит баллотироваться в президенты, ему придется перестать гоняться за юбками. А кроме того, именно она, с помощью денег Брукштайнов, станет первой леди страны. И тогда Грейс окажется на втором месте!

Однако за последнее время Джек заметно охладил к родственнику-миллиардеру. Посыпались злые замечания относительно манеры Грейс одеваться и постоянно увеличивавшегося брюшка Ленни. Неприязнь становилась все очевиднее. А незадолго до бала в «Кворуме» Джек начал пить, и в пьяном виде распространялся о «вероломстве» и «чванливости» Ленни.

– Хрен гребаный, с кем он вздумал говорить в таком тоне? Или я один из его служащих? – орал сенатор. – Если Ленни желает, чтобы ему отсосали, может обратиться к Джону Мерривейлу или этому лизоблоду Престону! Я долбанный сенатор Соединенных Штатов!

Онор понятия не имела, о чем толкует муж. Ей очень хотелось спросить, но страх перебивал. Несмотря ни на что, она по-прежнему любила мужа. И в душе была убеждена, что если поможет Джеку сделать карьеру: будет носить правильные платья, говорить правильные вещи, давать правильные вечеринки, – он обязательно полюбит ее. Снова.

Онор не знала, что Джек Уорнер ни одной минуты не был в нее влюблен.

Сенатор спустился вниз в махровом халате, пытаясь найти алка-зельцер. Роберта, которую родители звали Бобби, вихрем бросилась в его объятия.

– Папочка!

Беленькая, пухлая, как херувимчик, Бобби всегда была очень ласковым ребенком.

– Илзе говорит, что мы плохо себя ведем и не поедем в Ин-та-кет. Это неправда, верно? Джек поставил дочку на пол.

– Не приставай к отцу, Роберта, – велела Илзе.

– Но мы любим Ин-та-кет. Даже Роуз. Верно, Роузи?

Четырехлетняя Роуз как раз вытаскивала тюбики помады «Диор» из материнской косметички, ломала их и размазывала по полу розовую липкую массу. Няня была слишком занята, строя глазки боссу, и потому ничего не замечала.

– Могу я чем-то помочь, сенатор Уорнер?

– Нет! – отрезал Джек.

Нантакет! Он и забыл! Этот ублюдок Брукштайн прошлой ночью пригласил их в свое поместье. «Можно подумать, мы такие близкие друзья!»

Джеку пришлось переломить гордость и долго себя уговаривать, прежде чем обратиться за поддержкой к Ленни. Джек никогда не сделал бы ничего подобного, не окажись он в отчаянном положении. Но он оказался на краю пропасти. И Ленни это знал.

Все началось как способ снять стресс. Несколько невинных ставок то тут, то там, на скачках или за игорным столом. Проигрыши росли, а вместе с ними и страсть к игре. Именно игра высветила азартную сторону натуры Джека Уорнера, о которой тот до сих пор не подозревал. Это было волнующим, возбуждающим и... вызывающим привыкание. И стоило ему все дороже. В смысле финансов. Но и политический риск был огромен. Вся карьера Джека была построена на его репутации порядочного, консервативного христианина. Пусть в неодолимом влечении к игре нет ничего незаконного, однако если это станет широко известно, он в мгновение ока потеряет массу голосов.

– Ты должен прекратить это, Джек, – не тратя лишних слов, заявил Фред Фаррел. – Немедленно. Выплати все долги и начни с чистого листа.

Если бы все было так легко! Выплатить долги? Но где взять деньги?

Наследство Онор ушло на дом и образование детей. Как сенатор, Джек получал сто сорок тысяч в год: жалкая часть того, что он зарабатывал адвокатской деятельностью, и капля в море его долгов. К несчастью, кредиторами были малоприятные люди, не пользующиеся уважением в обществе.

Ничего не поделаешь. Придется подоить зятя. Конечно, стыда не оберешься. Но как только он объяснит ситуацию, Ленни его выручит. Ленни способен многое предвидеть. Когда станет президентом Джек, оплатит ему сторицей. И Ленни это известно.

Оказалось, однако, что Ленни этого не знал и знать не хотел. Вместо того чтобы выписать чек, он прочел Джеку лекцию.

– Мне очень жаль тебя, Джек, правда. Но ничем не могу помочь. Мой отец был игроком. Превратил жизнь бедной мамы в ад. Не будь у него друзей, которые раз за разом выручали его, кошмар кончился бы куда раньше. Он проиграл деньги, которые иначе пошли бы на лечение ма...

Джек пытался сохранить хладнокровие:

– При всем моем уважении, Ленни, не думаю, что у меня много общего с твоим отцом. Я сенатор Соединенных Штатов. И у меня есть необходимая сумма. Просто небольшая проблема с наличными.

– В таком случае уверен, что ты решишь эту проблему сам. Еще что-то?

Что за ублюдок, со своим снисходительным тоном! Это был не просто отказ!

Он дал понять, что разговор окончен!

До конца дней своих сенатор Уорнер не забудет оскорбления!

Когда он услышал о Нантакете, первой мыслью было посоветовать Ленни засунуть приглашение туда, «где луна не светит».

Но Джек был слишком осторожен. Не стоило усугублять проблему. Лучше подумать о том, как близки Онор и Грейс. Может, Онор сумеет обработать младшую сестру, а та уговорит влюбленного мужа? Конечно, это означало, что Джеку придется рассказать жене об игорных долгах. Не слишком привлекательная перспектива. Но в конце концов, что она может сделать? Бросить его?

Вряд ли.

Он повернулся к Илзе:

– В понедельник утром мы уезжаем в Нантакет. Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы вещи девочек были упакованы и готовы к отъезду.

Бобби бросила на няню торжествующий взгляд:

– Видите? Говорила же я, что мы поедем!

– Да, сэр. Желаете, чтобы я упаковала что-то... особенное? – осведомилась Илзе, многозначительно подмигнув. Только глупец не понял бы, что она имеет в виду.

А Джек был отнюдь не глупцом.

– Нет. Вы не едете. С понедельника вы уволены.

Схватив с кухонного буфета пачку алка-зельцера, он вернулся наверх. В постель.

Глава 4

Конни Грей стояла на детской площадке, наблюдая, как сыновья висят на «манки барз»⁷. Только посмотрите на них. Совсем малыши. И понятия не имеют, что их мир рушится...

Кейду было шесть. Копия своего отца Майкла: темноволосый, смуглый, с лицом таким же открытым, счастливым и бесхитростным. Купер больше походил на Конни. Светленький, с более тонкими чертами лица. Чувствительный. Нервный. Оба мальчика были очень умны. Да и откуда взяться глупости при таких родителях, как Конни и Майк?

Но четырехлетний Купер мыслил глубже.

Узнает ли он когда-нибудь, что затеяла его мать? Возможно, когда станет старше, он все поймет?

Поймет, что отчаянные времена требуют отчаянных мер?

Старшая из сестер Ноулз с первого класса была отличницей. Гордость и радость матери Конни, она волей-неволей довольствовалась лишь уважением и симпатией со стороны отца. Сердце Купера Ноулза было отдано младшей дочери Грейс.

Подобно Онор Конни рано поняла, что младшая сестра – особенная. Необыкновенный прелестный ребенок. Однако в отличие от Онор Конни не собиралась сидеть в заднем ряду и добровольно уступать центр сцены. Она блестяще играла роль мозга семьи, окончив школу первой ученицей и поступив в лучшее высшее учебное заведение «Лиги плюща». Изображая равнодушие к красоте и моде, она отлично знала, что очень привлекательна, хотя не слишком женственна. И Конни делала все, чтобы сохранить алебастрово-белую кожу и идеальную фигуру, которыми так восхищались мужчины. Пусть ей далеко до Грейс в смысле внешности, но та еще совсем дитя. А она, Конни, на восемь лет старше, уже взрослая девушка. К тому времени как Грейс подрастет, чтобы показываться в обществе, она уже будет счастлива в браке. И тогда все это станет проблемой Онор.

Так и случилось. Как все сестры Ноулз, Конни вышла замуж по любви. В те времена Майкл Грей был неотразим. Красавец с фигурой футболиста и точеными чертами модели Армани. При виде его все секретарши в «Леман бразерс» теряли голову.

Конни продолжала работать адвокатом до самого рождения Кейда. Потом все, кроме семьи, потеряло смысл. Майкл был партнером «Леман», получая миллионы долларов в год в качестве бонусов. Конечно, большая часть этих сумм поступала в виде акций. Но кто тогда об этом думал? Банковские акции только росли в цене. Семья тратила почти все жалованье Майка... но... они ведь поступали как все остальные. Если хотелось приобрести что-то очень дорогое вроде пляжного домика в Хэмптоне, или «бентли», или кольцо за сто тысяч в подарок жене на годовщину свадьбы, можно было взять кредит под акции. Простая, действенная система, в надежности которой никто не сомневался.

И тут произошел обвал крупнейшего инвестиционного банка «Беа Стёрнс».

Оглядываясь, можно сказать, что крах почтенного нью-йоркского финансового предприятия в марте 2008 года стал началом конца для Конни и Майка Грей и для тысяч им подобных. Однако в первое время им казалось, что нечто кошмарное и непоправимое случилось с кем-то еще. Как все гениальные трагедии. Стоишь достаточно близко, чтобы ощутить озноб страха и возбуждения, и в то же время на твою жизнь это никак не влияет.

Прошло девять месяцев с того ужасного сентябрьского дня, когда рухнул мир Конни. Иногда она все еще просыпалась с теплым чувством счастья и удовольствия... которое длилось несколько секунд.

⁷ Детский спортивный снаряд – поперечные брусья на высоких стойках.

«Леман бразерс» объявил о банкротстве 16 сентября 2008 года. За одну ночь от двадцатимиллионного состояния Греев осталось около миллиона – сумма, равная стоимости их заложенного и перезаложенного дома. Потом рухнул рынок жилья. От миллиона осталась половина. К Рождеству было продано все, кроме драгоценностей Конни, и забрали детей из школы. Но реальной проблемой стала не сама финансовая катастрофа, а диаметрально противоположные на нее реакции супругов.

Майкл Грей был хорошим человеком. Привык работать в команде. Добросовестный, порядочный человек. Такие не унывают.

– Подумай, сколько миллионов людей попали в худшее положение, чем мы? – твердил он жене. – Нам еще повезло. Мы вместе, у нас двое чудесных мальчишек, есть надежные друзья и кое-какие сбережения. Плюс мы оба достаточно молоды, чтобы выбраться из пропасти и снова начать зарабатывать.

– Конечно, дорогой, – согласилась Конни и поцеловала мужа.

«Повезло»? Да он спятил!

Конни Грей не хотела «выбираться из пропасти» и начинать зарабатывать. Не хотела снова карабкаться вверх! Не хотела засунуть подальше все свои беды и улыбаться, улыбаться, и если Майкл изречет хотя бы еще одну гребаную банальность, помоги ей Боже, она просто удушит мужа последним еще оставшимся у него шелковым галстуком от Эрме.

Конни не желала становиться одним из стойков, переживших крушение обычного образа жизни. Кстати, Американская Мечта не имеет ничего общего с выживанием. Только с победой.

Конни Грей хотела быть победительницей. Вышла за победителя. А он ее подвел. Теперь она должна была найти нового покровителя, того, кто мог бы обеспечить приличную жизнь ей и детям.

Роман с Ленни Брукштайном заранее не планировался.

Роман! Кого она пытается одурачить? Одно... нет, двухразовый секс! Прошлой ночью Ленни ясно дал понять, что все кончено!

Конни всегда прекрасно ладил с прославленным мужем Грейс. В более благополучные времена они с Майком регулярно ужинали у Брукштайнов. И обычно именно он и Конни показывались со смеху над какой-то одной им понятной шуткой.

– Знаешь, это забавно, – часто повторяла Грейс сестре, – но вы с Ленни так похожи! Как две горошины из стручка! Когда он толкует мне о «Кворуме» и бизнесе, я ничегошеньки не понимаю. Но ты! Ты все знаешь! Можно подумать, действительно этим интересуешься!

И Конни привычно удивлялась, не понимая, что свело этих двоих.

Ленни Брукштайн – блестящий собеседник, занимательный рассказчик, умница, амбициозный бизнесмен и живой, самый живой из всех знакомых Конни людей.

Грейс... просто милашка.

Совершенно непонятно.

Но она не слишком задумывалась над этим. Тогда они с Майклом были счастливы и богаты, хотя, конечно, не так, как Брукштайны.

Тогда...

Впервые это произошло поздно ночью в офисе Ленни. Конни пришла поговорить с зятем с глазу на глаз о ссуде на покупку нового дома до продажи старого и возможности помочь подыскать для Майкла новую должность. Исполнительные директора «Леман» уподобились прокаженным Уолл-стрит. Заклейменные провалом. Неприкасаемые. Майкл был хорошим банкиром, но никто не собирался давать ему второй шанс.

Конни расплакалась. Ленни обнял ее. И не успели оба опомниться, как уже оказались на полу, сплетенные в объятиях, и Ленни страстно овладевал ею...

Позже Конни прошептала:

– Мы такие одинаковые. Ты и я. Обоих подтачивает неутолимый голод. Майкл и Грейс совсем другие.

– Знаю, – кивнул Ленни. – Поэтому мы и должны защищать их. Себя защитить мы прекрасно умеем.

Не на такой ответ надеялась Конни, но покидала офис «Кворума» полная надежд. Перед ней приоткрылась дверь в новое, неизведанное.

Ложась в постель рядом со спящим Майклом, она взволнованно гадала, что таится за этой дверью. Куда приведет ее новая дорога?

Оказалось, никуда.

Две недели спустя Конни вновь переспала с Ленни, на этот раз в дешевом отеле в Нью-Джерси. Брукштайна терзали угрызения совести.

– Проверить не могу, что мы на такое решились! Я на такое решился, – поправился он. – Не ты виновата, Конни. У вас с Майклом сейчас ужасный стресс. Но мне нет оправдания.

– Тебе ни к чему извиняться, Ленни, – гортанно прошептала она. – Ты несчастлив с Грейс. Я понимаю. Она абсолютно неподходящая для тебя жена!

Ленни вытаращил глаза и с неподдельным удивлением уставился на Конни:

– Неподходящая? Бог мой, да она для меня – все! Я...

Ленни осекся. Он, казалось, пытался сдержать эмоции.

– Она не должна узнать об этом. Никогда, – выдавил он наконец. – И больше такого не случится. Давай посчитаем это мгновенным безумием и пойдем дальше, не оглядываясь на прошлое.

– Разумеется, – кивнула Конни. – Если ты хочешь именно этого.

По дороге домой ее трясло от ярости. Идти дальше? Дальше?! Куда? Куда ей идти?! Становиться обедневшей матроной среднего возраста, живущей на грани нищеты, вместе с некогда успешным мужем? Питаться крошками со стола младшей сестры?

«Хрен тебе, Ленни Брукштайн! Ты у меня в долгу. И теперь самое время платить. Думаешь, я позволю тебе спокойно порхнуть в объятия Грейс?»

– Мама, мамочка, смотри на меня!

Кейд уже сидел на качелях, болтая тоненькими ножками, чтобы набрать скорость, после чего со стуком шлепнулся на песок.

– Видела, как высоко я взлетел? Видела?

– Видела, дорогой. Здорово.

Конни потуже стянула на плечах тонкую летнюю шаль. Кашемир из Шотландии. Подарок от Грейс на день рождения.

Скоро все, чем они владеют, окажется подарками Грейс. Еда на столе, рубашки детей...

При мысли о том, что следующую неделю придется провести с младшей сестрой и ее мужем в их великолепном нантакетском поместье, Конни затошнило.

А уж если вспомнить их маленький тет-а-тет с Ленни во время танца на балу! Ублюдок имел наглость разозлиться на нее. На нее! Можно подумать, это она его преследовала! Ленни заигрывал с ней, а потом бросил как ненужную тряпку. Удрал назад к идеальной супружеской жизни! А теперь Конни должна благодарить его за оплаченный билет на самолет, а потом сидеть в шестидесятимиллионном доме и наблюдать, как хозяева обжимаются?

Но что она могла поделать, если Майкл заявил: «Я бы хотел полететь. Было великодушно со стороны Ленни пригласить нас. Неплохо бы отдохнуть от Нью-Йорка. Поплавать на яхте, подышать свежим воздухом...»

Майкл всегда симпатизировал Ленни. Но то Майкл. Он вообще был очень дружелюбен. И когда Ленни вчера вечером пригласил их в поместье, едва не целовал ему руки.

Но Майкл Грей не знал.

И если Ленни Брукштайн поступит как порядочный человек и даст Конни то, что положено по праву, никогда не узнает.

Глава 5

Нантакетский дом супругов Брукштайн – идиллический просторный особняк, крытый серой сланцевой черепицей, – находился совсем недалеко от Клифф-роуд, на северной стороне острова. Главное здание – это десять спальных апартаментов, бассейн и спа, самый современный кинотеатр, собственный повар и кухня ресторанного уровня, а также длинная островерхая терраса, известная в Нантакете как «вдовья дорожка», потому что в прежние времена жены моряков взбирались на крыши и часами смотрели в море, ожидая возвращения мужей.

Сады, засаженные лавандой и розами, окруженные живой изгородью, подстриженной в европейском стиле, каскадом спускались со склона холма на один из самых малолюдных и престижных пляжей на острове. Внизу находилось четыре гостевых коттеджа, очаровательных, увитых глицинией кукольных домика, каждый с миниатюрным двориком и белым палисадником. В любом другом месте эти коттеджи выглядели бы невыносимо шикарными, но здесь, на этом волшебном острове, где само время, казалось, остановилось, они сами стали частью магии. По крайней мере так считала Грейс. Именно она выстроила и обставила домики, вплоть до последней наволочки от Ралфа Лорена и антикварной викторианской ванны с львиными ножками.

Грейс обожала Нантакет. Именно здесь они с Ленни поженились: вне всякого сомнения, то был счастливейший день в жизни Грейс. Но дело было не только в этом. Здесь царила простота, ничего подобного не было нигде больше. Конечно, в Нантакет были вложены деньги. Серьезные деньги. Крохотные трехкомнатные рыбацкие коттеджи на Сайасконсет-Бич продавались от двух миллионов и выше. Летом рестораны, имевшие звезды Мишлен, такие как «Саммерхаус», брали за лобстера «Термидор» дороже, чем парижский «Георг V». Модные бутики вывешивали в витринах тысячедолларовые кардиганы. Галереи, представлявшие местных художников, продавали самым богатым жителям картины за суммы, выражавшиеся в шестизначных, а иногда и семизначных цифрах.

И все же Нантакет намеренно оставался в тени. За все годы, что Грейс приезжала на остров, она никогда не видела спортивных авто. Миллиардеры и их жены разгуливали по городу в шортах-хаки и белых хлопчатобумажных футболках из «Гэп». Даже яхты, стоявшие в гавани, выглядели скромно, не то, что кричаще-безвкусные суда в Ист-Хэмптоне, Палм-Бич или Сен-Тропезе. Здесь Ленни плавал на обычной сорокасемифутовой парусной яхте. Он умер бы от стыда, прежде чем показался бы в этих местах на трехсотфутовой «Кворум куин», хотя, когда они были на Сардинии, Грейс с превеликим трудом могла выманить мужа на берег.

Нантакет был местом, где богатые люди притворялись обычными. По крайней мере казались скромнее, чем были на самом деле. И это пробуждало в Грейс тоску по детству, идиллическим временам в ее жизни. Временам невинных удовольствий.

Она была в восторге от того, что Ленни любил остров не меньше, чем сама она. Если не считать «Кокона», стилизованного под крепость особняка на Мадагаскаре, не было на Земле места, где бы Грейс чувствовала себя спокойнее. Брукштайны были счастливы повсюду, но здесь, в этом доме, она любила бывать больше всего.

Грейс и Ленни прилетели на три дня раньше гостей. Ему нужно было доделать какую-то работу (впрочем, как обычно), а Грейс требовалось время, чтобы поговорить со слугами и убедиться, что все готово к приему.

– Отдайте Онор и Конни два самых больших коттеджа, потому что у них дети, – наставляла она. – Эндрю и Мария поселятся справа, рядом с пляжем, а Мерривейлы – в самом маленьком. Кэрлайн уже жила там, и уверена, она не станет возражать.

Сколько всего необходимо сделать! Составить меню, заказать цветы, убедиться, что велосипеды и удочки для племянников и племянниц готовы. Грейс казалось, что она почти не видит мужа.

В ночь перед нашествием орды они устроили себе романтический ужин в «Шантеклере», симпатичном маленьком ресторанчике в рыбацкой деревне.

По крайней мере он был бы романтичным, не прилипни Ленни к своему смартфону на весь вечер.

– Все в порядке, дорогой? Ты кажешься таким занятым.

Грейс привстала и стиснула руку мужа.

– Прости, солнышко. Все в порядке. Я просто... слишком много всего навалилось. Но тебе не о чем волноваться, ангел мой.

Грейс пыталась не волноваться, но это было нелегко. Ленни никогда не делился с ней своими проблемами по работе. Никогда. Сегодня утром встретившийся им на пристани совершенно безвредный бродяга попросил милостыню, а Ленни вдруг набросился на него и прочитал десятиминутную лекцию об алкоголизме, долге и ответственности.

Позже, собирая малину в саду, Грейс услышала, как муж кричит из окна спальни. Оказалось, он говорил по телефону с Джоном Мерривейлом. Грейс всего не поняла, но одно высказывание застряло в мозгу: «Все они хотят фунт моего мяса, Джон. Эти ублюдки скоро высосут мою кровь до последней капли! Если ты прав насчет Престона... и это после того, что я для него сделал... Просто отрублю его гребаную лапу!»

Что значит «высосут... кровь»? И что за ублюдки? Оставалось надеяться, что Эндрю Престон не в их рядах...

Эндрю работал на Ленни с самого основания фонда. Он и Мария, как и Мерривейлы, стали практически родственниками.

Единственное, что утешало Грейс, – Ленни все-таки говорил с Джоном. Муж доверял ему и полагался как на брата. В чем бы ни заключалась проблема, Грейс была уверена: Джон знает, как поступить. Он будет здесь уже завтра. И тогда, есть надежда, Ленни немного расслабится.

Отдых начался – лучше не бывает. После приезда гостей Ленни действительно успокоился, стал прежним, веселым и остроумным хозяином. Если не считать Джека Уорнера, который все еще пребывал в дурном настроении, все, похоже, были очень рады очутиться здесь и преисполнены решимости веселиться на всю катушку.

Майкл Грей назначил себя Гамельнским Крысоловом при детях, своих и чужих. Брал всех четверых на ловлю крабов, угощал мороженым.

Грейс была в восторге. Бедным Майку и Конни пришлось столько вынести за последний год! Сразу видно, что отдых пошел Майку на пользу! А Кейд и малыш Купер были на седьмом небе и целые дни проводили на воздухе: катались на велосипедах или зарывались в песок по горлышко.

Днем мужчины: Джон, Эндрю, Джек и Ленни – плавали на яхте или играли в гольф, пока жены проводили шопинговую терапию. Грейс обожала делать сестрам маленькие подарки. Ничто не доставляло ей большего удовольствия, чем тратить деньги на окружающих, особенно на Конни и Онор. Она с радостью делала бы то же самое для Кэролайн и Марии, но те ей не позволяли. Возможно, им подобное мотовство казалось странным, поскольку они намного старше? И считали ее кем-то вроде дочери?

Но Кэролайн всегда была так добра с ней, что Грейс очень хотелось выказать свою благодарность.

– Подумываю устроить завтра праздничный ужин, – заявила мужу так и бурлившая энергией Грейс. – Узнаю от Джона, какие у Кэролайн любимые блюда, и попрошу Фелишу их приготовить. Ну как? Что ты об этом думаешь?

– Думаю, это здорово, Грейси, – кивнул Ленни, нежно глядя на жену.
Грейс хотела уйти. Муж взял ее за руку:
– Я люблю тебя. Ты ведь знаешь это?
Грейс рассмеялась и бросилась ему на шею.
– Конечно, знаю! Какой ты глупый, Ленни!

– Я не сяду рядом с ней. И с Ленни тоже. И не ожидай, что я буду хлопать ластами и лаять, как благодарный цирковой тюлень! Хватит и того, что ты пресмыкаешься перед ним!

Кэролайн Мерривейл была вне себя. Несмотря на то что именно она настояла на приезде в Нантакет, теперь во всем винила Джона. Скучные экскурсии, ненавистное общество, тот факт, что им отвели самый маленький из этих обшарпанных гостевых домиков...

Она считала «особый ужин» Грейс очередным проявлением желания покровительствовать подчиненным мужа.

– Т-только не устраивай сцен, Каро, договорились? Это все, о чем я прошу.

– Просишь?! И что дает тебя право о чем-то просить? Ты уже говорил с Ленни? О повышении?

– Еще нет, – пробормотал Джон. – В-все не т-так просто, как ты думаешь...

– Наоборот, Джон. Все очень просто. Выбирай: либо ты поговоришь с ним, либо я.

– Н-нет! Ты не должна. П-пожалуйста, предоставь Ленни мне.

– Прекрасно. Но тебе неплохо бы набраться храбрости и поговорить с ним еще до конца этой недели. Если мне придется еще раз услышать от его пустоголовой женушки, как она благодарна за мою задушевную дружбу, я за себя не отвечаю.

Боже, Грейс благодарна ЕЙ за дружбу? Бедная, сбита с толку девочка.

Джон печально покачал головой.

Повезло же Ленни. Такие жены, как Грейс, – одна на миллион.

– Пожалуйста, без церемоний! Налетайте!

Сегодня Грейс была непривычно взвинченна. Сами блюда выглядели просто сказочно. Фелиша, как всегда, превзошла себя. Биск⁸ изумительно пахнул и имел идеальный бледно-розовый оттенок. От вида сочного жареного ягненка на ложе из зелени просто слюнки текли. Клубника а-ля Павлова походила не просто на десерт, а на скульптуру: триумф белоснежных меренг и кроваво-красных ягод. Кэролайн, несомненно, придет в восторг.

И все же Грейс не могла наслаждаться своим торжеством. Немного раньше она заметила, как Конни что-то горячо выговаривала Ленни на пляже, после чего убежала вся в слезах. Когда Грейс нашла сестру и спросила, что случилось, та что-то рассерженно буркнула.

– Все дело в Майкле, – пояснил Ленни. – У него депрессия. У обоих стресс, и ты не должна принимать срывы Конни на свой счет.

Но Грейс приняла случившееся на свой счет. Часа четыре назад Онор тоже накричала на нее, а Грейс всего лишь спросила, хочет ли та пойти в спа.

– Не все в этой жизни можно исправить гребаным массажем, Грейси, поняла? Иисусе, неужели это и есть ответ на любую проблему? Тратить деньги, ублажая себя?

Грейс была глубоко ранена. Она вовсе не меркантильна. И Онор лучше, чем кому бы то ни было, следовало это знать.

Но справедливости ради нужно сказать, что Онор извинилась.

– Знаешь, это из-за Джека. Последнее время муж озабочен – думаю, это отражается и на мне.

⁸ Густой суп из раков, крабов или омаров.

Грейс простила ее, и они помирились. Однако осадок остался. Может, это игра воображения, но Грейс казалось, что сегодня за столом царит напряженная атмосфера.

«Все они несчастны. Даже Ленни. Я хотела бы сделать их счастливыми, но не могу».

– Это не суп, а настоящая амброзия, Грейси! Необыкновенно! – Майк Грей широко улыбнулся золотке.

– Спасибо.

Странно. По виду Майка не скажешь, что у него депрессия.

– И в самом деле, вашего шеф-повара нужно поздравить! Должно быть, он весь день трудился как раб, чтобы устроить такой пир, – ехидно заметила Мария Престон.

Эндрю залился краской. Даже Грейс Брукштайн не настолько глупа, чтобы не заметить столь откровенной «шпильки». Конечно, неплохо бы Марии взять себя в руки, но после нескольких бокалов вина его супруга не владела собой и была опаснее змеи. Достаточно неприятно уже и то, что дива явилась на ужин в роскошном платье от Роберто Кавалли, с высоким разрезом на бедре, абсолютно неподходящим для такого случая.

– Мария, дорогая, все остальные будут в джинсах или простых летних платьях. Ты, как всегда, мой ангел, выглядишь неотразимой. Но не могла бы ты...

– Нет, Энди. Не могла бы. Я не «все остальные». Неужели ты еще это не усвоил?

Грейс была слишком вежлива, чтобы дать отпор Марии. А вот Ленни был не настолько тактичен.

– Не повар. Наш шеф – это «она». Фелиша, – очень четко выговорил хозяин. – Действительно прекрасный работник, хотя вряд ли можно назвать ее рабыней. В прошлом году я платил Фелише значительно больше, Мария, чем твоему мужу.

Лицо Эндрю из красного стало густо-багровым. Мария с безмолвной яростью уставилась на супруга.

Грейс в эту минуту желала, чтобы земля разверзлась и поглотила ее. Она ненавидела стычки. Ленни со своей стороны устал ступать по тонкому льду.

– Сенатор Уорнер! – весело воскликнул он. – Сегодня вечером вы что-то молчаливы! В чем проблема, Джек? Нет настроения?

Если бы взгляды могли убивать, Ленни Брукштайн свалился бы замертво прямо тут, за столом.

– Именно, Ленни. Безработица в моем округе достигла почти десяти процентов. Пока мы сидим здесь, наслаждаясь тонкими винами и изысканными блюдами, людей, которые за меня голосовали, выбрасывают из собственных домов. Она теряют работу, медицинскую страховку и последнюю надежду. Некоторые думают, что я смогу все исправить. Поэтому, ты прав, я не в настроении веселиться. Прошу меня извинить.

Онор в ужасе наблюдала, как ее муж встал и вышел из комнаты. Прошлой ночью он наконец рассказал о своих игорных долгах. Онор всю ночь не сомкнула глаз. Именно из-за усталости она и вспылила, сорвав зло на Грейс, за что потом готова была себя выпороть. Конечно, на чувства младшей сестры ей плевать. Но ведь вся цель этой поездки – стать Грейс еще ближе и воспользоваться ее влиянием на Ленни, чтобы заставить его помочь Джеку. «Мне нужен Брукштайн! – орал Джек прошлой ночью. – Без его денег я конченный человек, неужели не понимаешь? Мы конченные люди!»

Онор все отлично понимала. Но почему Джек вылетел из комнаты как избалованный ребенок, опозорив себя и жену перед всеми?

– Пойду-ка я к нему, – вяло произнесла она. – Прошу прощения, Грейс, Ленни.

Ужин худо-бедно продолжался. После ухода Уорнеров остальные пытались казаться оживленными, но пустые стулья Уорнеров казались привидениями на пиру. Джон произнес тост, благодаря хозяйку за ужин, но при этом заикался так сильно, что Кэролайн пришлось закончить речь за мужа. Конни ушла еще до того, как подали десерт, пожаловавшись на голов-

ную боль. К тому времени как горничная принесла кофе, деланные улыбки оставшихся гостей походили на гримасы.

Позже, в постели, Грейс разразилась слезами.

– Какой провал! Ну почему все сводится к дурацкой экономике? Конни и Майкл вот-вот потеряют дом. Джек сам не свой из-за безработицы.

– Не думаю, солнышко, что он изводится только из-за этого.

– Когда мы были у парикмахера, даже Кэролайн и Мария жаловались, насколько меньше получают их мужья в этом году. Ненавижу все это!

– Мария и Кэролайн еще смеют стонать? – взвился Ленни. – Шутишь? Им повезло, что у мужей вообще осталась работа! Комиссия по ценным бумагам и биржам присосалась к нам как пиявка!

– Ведется расследование? – ахнула Грейс.

– Не волнуйся, милая, ничего страшного. Буря в стакане дерьма. Сейчас у них под прицелом все крупные страховые фонды. Беда в том, что настали тяжелые времена, и «Кворум» держится только благодаря мне. А это означает, что мужья этих злобных сук выжили благодаря мне.

– Не сердись, дорогой, – всхлипнула Грейс. – Мне не стоило ничего говорить. Сегодня я больше не вынесу никаких ссор! Просто не вынесу.

Ленни обнял ее.

– Прости, – прошептал он. – Я вел себя как настоящий Гринч⁹, верно?

Грейс прижалась к мужу. Она всегда чувствовала себя защищенной и счастливой, когда была рядом с ним.

– Вот что, дорогая, завтра утром я встану пораньше и выйду в море. Свежий ветер всегда проясняет голову. К своему возвращению буду таким спокойным, что ты меня не узнаешь.

– Звучит неплохо.

Грейс задремала.

Позже она попытается точно вспомнить, что сказал Ленни потом. Так трудно отличить сон от реальности... Ей казалось, что она услышала: «Что бы ни случилось, Грейси, помни: я тебя люблю».

Но может, это приснилось?

Точно Грейс знала одно: в ту ночь она заснула счастливой.

В последний раз.

⁹ Герой комедии «Гринч – похититель Рождества» с Джимом Керри в главной роли.

Глава 6

Джон Мерривейл затянул ремень безопасности и закрыл глаза. Двухтурбинный шестиместный самолет пробивал дорогу в облаках.

Боявшийся летать даже в хорошую погоду, он с ума сходил, когда самолет оказывался в зоне турбулентности. Все равно что доверить свою жизнь газонокосилке!

– Не волнуйтесь, – приветливо улыбнулась сидевшая рядом женщина. – По утрам всегда трясет. Пока солнце не сожжет облака.

Интересно, может ли солнце сжечь облака?

Джон покачал головой. Нужно же было расфилософствоваться именно сегодня!

Если «газонокосилка» не подведет, через двадцать пять минут они приземлятся в Бостоне.

Было шесть пятнадцать утра.

В восемь пятнадцать Эндрю Престон занял свое место в другом самолете. «Фоккер-100», вмещавший сотню пассажиров, был полон только на две трети.

Вряд ли многим людям придет в голову лететь в Нью-Йорк из Нантакета во вторник. Все улетели вчера.

Прошлой ночью Престон со смешанным чувством выслушал известие о том, что его срочно требуют в офис. Питер Финч, глава группы сотрудников Комиссии по ценным бумагам и биржам, проводившей проверку счетов «Кворума», хотел лично поговорить с ним.

Эндрю со страхом ждал встречи. Он пытался понять, по какой причине Финч так срочно вызывал его в Нью-Йорк. В голову лезли неприятные предположения. С другой стороны, находиться вдали от офиса тоже не было сил. Престон терял самообладание. Раньше он был уверен, что надежно замел следы, но эти ублюдки из комиссии были хуже гончих, почуявших запах крови.

В любом случае нужно поскорее убраться из Нантакета. Гостевой коттедж начинал казаться тюрьмой. После публичного унижения Мария впала в истерическое бешенство: ночью грязно ругалась, вопила и даже пыталась драться с мужем. Если засучить рукава, все увидят уродливые красные царапины от ее ногтей.

– Как ты смеешь позволять Брукштайну обращаться с нами подобным образом? Он выставил меня полной дурой. А ты сидел и молчал!

Эндрю прикусил губу, чтобы не сказать Марии, что она сама спровоцировала скандал, пытаясь выставить дурой Грейс. А вместо этого напомнил:

– И что прикажешь делать? Он мой босс, Мария. Он оплачивает наши счета.

– Ну уж нет! Он платит тебе меньше, чем чертовой кухарке! Разве не слышал, что он сказал? И это тебя нисколько не волнует?

Эндрю слышал. И это его волновало. На девяносто процентов он был уверен, что Ленни пошутил. Если повариха получает больше, чем он, очевидно, ей платят не по заслугам. Впрочем, щедрость Ленни была общеизвестна; Брукштайн вполне мог щедро вознаградить того, кто верно ему служит.

Он попытался успокоить себя.

Какое ему дело, сколько платит Ленни кому-то другому? В конце концов, он платит свои деньги!

Но все же неприятно-саднящее чувство не проходило. Возможно, на каком-то подсознательном уровне Эндрю считал, что поступок Ленни оправдывал все, что он натворил.

Мария, вымотанная пьяным дебошем, еще спала, когда он оставил ее этим утром. Проснется, наверняка будет жуткое похмелье. Когда она в таком состоянии, к ней лучше не подходить. А теперь это и не понадобится.

– Говорит командир самолета. Приготовиться к посадке.

Эндрю закрыл глаза и попытался расслабиться.

Грейс с сестрами отправилась на ленч в клуб «Клиффсайд-Бич».

После вчерашней перепалки Конни из кожи вон лезла, чтобы исправить положение, даже подарила Грейс чудесную розовую раковину, которую нашла на пляже сегодня утром.

– Не бог весть что, но украсит твой туалетный столик.

Грейс была тронута. Она знала, как трудно Конни найти слова извинения. Но раковина говорила больше любых слов.

– Кэролайн и Мари тоже придут? – спросила Онор. В кремовом сарафане, который ее бледнил, и с волосами, затынутыми в конский хвост, Онор выглядела усталой. Неужели они с Джеком поссорились вчера, после того как тот ушел из столовой?

Но Грейс была слишком тактична, чтобы расспрашивать сестру.

– Я так не думаю. Кэролайн в городе, смотрит картины. А Мария, по-моему, еще спит.

Сестры переглянулись.

– Интересно, что она носит в постели? – хихикнула Конни. – Пижама от Версаче из чистого золота?

Напряжение потихоньку спадало. Грейс начала успокаиваться.

Подошедшая официантка приняла заказ. Столики стояли прямо на пляже, но к тому времени как принесли закуски, на небе уже собрались грозовые облака.

– Не хотите перейти в ресторан, миссис Брукштайн? – спросил подошедший управляющий. – Могу предложить прекрасный столик у окна.

Не успел он договорить, как все вздрогнули от громового раската. Еще секунда, и первые тяжелые капли дождя разбились о столешницу.

– Да, пожалуйста, – рассмеялась Грейс и почему-то подумала, что Ленни сейчас один на яхте. Хоть бы он догадался укрыться в каюте! Еще промокнет и насмерть простудится!

К тому времени как сестры вернулись домой, было почти четыре вечера, и шторм разыгрался в полную силу. В дверях их встретил Майкл Грей.

– Слава Богу, вы здесь, – выдохнул он, крепко обнимая Конни.

– Мы всего лишь ездили в клуб на ленч, – успокоила та. – Откуда такая паника?

– Не знал, где вы были, вот и все. Я думал, вы отправились поплавать с Джеком. Там творится что-то невообразимое.

– Джек ушел в море на яхте? – Бледное лицо Онор совсем побелело. – И девочки с ним?

– Нет, не волнуйся. Бобби и Роуз на кухне. Играют с мальчиками в «горки и лесенки». Им немного скучно, но в остальном – все в порядке.

– А Джек? Он не звонил?

– Радио не работает.

Онор вздрогнула. Джек еще с юности был заядлым мореходом, но такой шторм станет серьезным испытанием его умения и мужества.

– Все в порядке, – успокаивал Майкл. – Береговая охрана считает, что определила, где находится его яхта. Скоро все узнаем. Там творится что-то невероятное, но охрана пытается вернуть всех в гавань. Входите, не стойте на дожде!

– А Ленни?

Конни и Онор наконец вошли в дом, Грейс застыла на дорожке. Дождь капал с волос и кончика носа. Сейчас ей можно было дать не больше двенадцати лет.

– Ленни? – нахмурился Майкл. – Я думал, он в гольф-клубе. Именно так он сказал слугам, когда уходил.

«Хотел побыть один? Не желал, чтобы вы с Джеком увязались за ним...»

– Нет...

Грейс трясло.

– Он на яхте.

– Команда с ним?

– Вряд ли.

Майкл попытался скрыть тревогу.

– Ты хотя бы в курсе, куда он отправился, Грейси?

Грейс покачала головой.

– Ладно, детка, не волнуйся, мы его найдем. Заходи, а я позвоню в береговую охрану. Эти парни – лучшие. Не успеешь оглянуться, как твой муж вернется.

Джек Уорнер вернулся в шесть, промокший до костей и полуживой.

– В жизни такого шторма не видел, особенно в этих местах. В жизни!

Онор обняла мужа, Джек машинально прижал ее к себе.

Конни и Майкл наверху укладывали детей. Внизу, на кухне, Грейс, Онор, Кэролайн и все еще зеленая с похмелья Мария ожидали новостей. Яхта Ленни по-прежнему числилась в пропавших.

Полчаса назад из деловой поездки в Бостон вернулся Джон Мерривейл. Он сразу же подошел к Грейс и обнял ее, не обращая внимания на пронзительные взгляды Кэролайн.

– П-постарайся не волноваться. Ленни – опытный м-морьяк.

До Грейс его слова почти не доходили. Она про себя молилась: «Господи, я уже потеряла одного отца. Пожалуйста, не дай мне потерять второго».

В восемь семнадцать зазвонил телефон. Грейс бросилась к нему.

– Аллю?

Десять секунд спустя она повесила трубку. Зубы стучали, говорить она не могла.

– Грейс? – спросила подошедшая Кэролайн. – Что случилось?

– Они нашли яхту.

Хор «слава Богу» и «я же говорил» эхом пронесся по комнате. Терпеливо дождавшись, пока ее перестанут обнимать, Грейс тихо пояснила:

– Ленни на борту не было.

После чего рухнула на пол в обмороке.

Глава 7

Все, что последовало за исчезновением Ленни, смешалось в памяти Грейс в длинный непрекращающийся кошмар. Часы перетекали в дни, дни – в недели. Все казалось нереальным, происходило словно не с ней. Она жила в трансе, в ужасающем полусне, от которого ее мог пробудить только один человек. И этот человек исчез навсегда.

Через три дня служба морских спасателей прекратила поиски. Заголовки газет всего мира вопили:

ЛЕОНАРД БРУКШТАЙН ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ!
ГЕНИЙ-ФИНАНСИСТ ЗАТЕРЯН В МОРЕ!
САМЫЙ БОГАТЫЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ ЧЕЛОВЕК, ВОЗМОЖНО,
УТОНУЛ!

Грейс боялась читать это. Скажи кто-то, что впереди ее ждут еще худшие времена, она бы не поверила. Что может быть страшнее жизни без Ленни?

Домой в Нью-Йорк ее привез Джон Мерривейл. Сестры и их мужья вернулись в город, когда поиски прекратились, но Грейс не могла заставить себя покинуть Нантакет.

– Не можешь же ты похоронить себя на этом острове, Грейси! Все твои друзья – в городе. И р-родные тоже. Тебе нужна их поддержка, – уговаривал Джон.

– Но я не могу оставить Ленни. Это все равно что бросить его.

– Дорогая Грейс, я знаю, как это трудно, ужасно т-трудно. Но Ленни ушел. Никто не смог бы и двух часов выдержать в воде при таком шторме. А ведь прошло уже две недели.

Здравый смысл подсказывал, что Джон прав. Вот только можно ли убедить сердце? Ленни не ушел. Нет и нет! Пока она собственными глазами не увидит тела Ленни, надежда не потеряна.

Чудеса случаются. И не так уж редко. А если его спасла другая яхта? Может, иностранная? Простые люди, не знающие, кто он такой? А вдруг Ленни потерял память? Или каким-то образом выплыл к другому острову?

Все это, разумеется, полный вздор. Голоса в голове... Но в самые первые дни Грейс цеплялась за эти голоса как утопающий – за соломинку. Это было все, что осталось у нее от Ленни, и она не была готова отказаться от них. Пока еще нет.

Вернувшись в дом на Парк-авеню, Грейс увидела сотни букетов, присланных в знак соболезнования. Если бы она захотела, могла бы нагромоздить гору карточек до самого потолка.

– Видишь? – заметил Джон. – Все т-тебя любят, Грейси. Все х-хотят помочь.

Но карточки и цветы, эти навязчивые напоминания о том, что мир считает Ленни мертвым, не помогли.

В трех милях от ее дома, в нью-йоркской штаб-квартире ФБР на Федерал-Плаза, 26, в одном из кабинетов совещались трое.

Питер Финч, представитель Комиссии по ценным бумагам и биржам, добродушный коротышка совершенно лысый, если не считать редких рыжих волос, окружавших лысину, обычно был известен своей невозмутимостью и чувством юмора. Но не сегодня.

– Мы видим только верхушку айсберга, – мрачно объявил он.

– Чертовски большого гребаного айсберга.

Гарри Бейн, помощник директора нью-йоркского отделения ФБР, изумленно покачал головой.

В свои сорок два он считался одним из лучших специалистов самого высокого класса. Интересный обаятельный мужчина с гарвардским образованием, угольно-черными волосами и

пронизывающим взглядом зеленых глаз, Бейн сумел раскрыть два самых серьезных террористических заговора, готовящихся в США. Каждый мог привести к необратимым последствиям. Но если Питер Финч прав, грядет настоящая катастрофа.

– О какой сумме идет речь? Точные цифры? – спросил Гэвин Уильямс, еще один агент ФБР, подчиненный Гарри. Сам в недавнем прошлом сотрудник комиссии, Уильямс ушел, не в силах сдержатъ брезгливого гнева после падения Берни Мэдоффа. Блестящий математик с высокими степенями в программировании и анализе, он в юности тоже мечтал стать инвестиционным банкиром и, окончив Уортон, записался на программу тренинга Джей-Пи Моргана. Но ничего не получилось. У него полностью отсутствовал присущий каждому талантливому коммерсанту киллерский инстинкт, необходимый для того, чтобы подняться на самый верх. Равно как и умение раскусить сидящего перед ним собеседника, присущее опытным политикам и помогавшее куда менее интеллектуально одаренным сокурсникам сколотить миллионные состояния. Высокий жилистый с коротко остриженными волосами и военной выправкой, Уильямс был одиночкой, столь же непоколебимым и бесстрастным, как статуя. Несмотря на поразительный интеллект, убогий мирок Уолл-стрит не желал иметь с ним ничего общего.

Глубоко раненный таким отношением, Гэвин решил остаток жизни посвятить преследованию тех, кому удалось подняться на самый верх. И с тех пор с безумным рвением вытаскивал на свет божий махинации финансистов. Вначале работа в комиссии позволяла ему ощущать себя всеильным. Давала цель в жизни.

Но после краха пирамиды Мэдоффа все изменилось. Промахи комиссии в истории с аферой были катастрофичны. Гэвин сам работал по этому делу, но ощущал на себе клеймо коллективного позора. Всех ослепила обычная пирамида! Мысль об этом по-прежнему не давала Гэвину спать по ночам, даже сейчас, на его новой работе в ФБР в качестве руководителя группы по экономическим преступлениям.

– Еще не все ясно, – продолжал Финч. – На первый взгляд все бумаги выглядели безупречно, но после исчезновения Брукштайна инвесторы «Кворума» захотели получить свои деньги обратно. Когда начались выплаты, внезапно открылась черная дыра, которая с каждым днем все больше растет.

– Там должны были пропасть миллиарды долларов!

Гарри почесал в затылке.

– Как могла испариться такая сумма?

– Не могла. Вероятно, мы имеем дело с растратой. Или деньги были вложены в неприбыльные частные предприятия, контролируемые Брукштайном и его поделчиками. Но скорее всего Брукштайн их где-то спрятал. Именно это нам и предстоит обнаружить.

– Что ж...

Гарри ненадолго задумался.

– Сколько времени потребуется, прежде чем это просочится в прессу?

– Не много. – Финч пожал плечами. – Несколько дней, самое большее – неделя. Как только инвесторы откроют рты, все выйдет наружу. Сами понимаете, как это повлияет на экономику. «Кворум» был больше «Дженерал моторс». Почти таким же, как «Эй-ай-джи». Ни одно предприятие подобного рода не защищено от слухов. Пенсионеры. Семьи служащих...

– Я сам отберу лучших людей для работы над этим делом, – объявил Бейн. – Как только поступит новая информация, передайте ее Гэвину. Гэвин, докладываешь лично мне. И чтобы ни одно слово не вышло за пределы этой комнаты. Понятно? Я хочу как можно дольше держать прессу в неведении. Нью-Йоркский департамент полиции – тоже. Не хватало еще, чтобы эти идиоты вмешались и все испортили!

Питер кивнул. Гэвин словно окаменел. Ничего не выражающее, непроницаемое лицо.

«Чувствую себя как Джим Кирк, работающий вместе со Споком»¹⁰, – подумал Гарри, чувствуя знакомый взрыв адреналина в крови при мысли о такой сложной операции. Если он найдет эти деньги, то станет национальным героем. И даже сможет претендовать на должность директора!

Гарри вдруг подумал о своей жене Лайзе. Как она будет им гордиться!

Конечно, если он провалится...

Но Гарри Бейн не провалится.

Он еще ни разу в жизни не потерпел неудачу.

– Грейс, в следующем месяце, двадцать шестого, состоится собрание попечителей фонда. Тебе очень важно быть там. Если, конечно, хватит сил.

Прошло две недели после возвращения Грейс на Манхэттен, и чета Мерривейл пригласила ее на ужин. Когда она отказалась, Кэролайн сама приехала к ней и силой запихнула в ожидавшее такси.

– Не мог бы ты сам поехать, Джон? – морщась, пробормотала Грейс. – Я все равно ни слова не пойму. Этими делами всегда занимался Ленни.

– Ты должна ехать, Грейс, – поддержала мужа Кэролайн. – Джон будет рядом. Но ты единственная наследница всего имущества Ленни. Есть вопросы, которые без тебя не решить.

– Я? Единственная наследница?

Кэролайн коротко, с презрением усмехнулась:

– Разумеется, дорогая. Ведь ты его жена.

Она по-прежнему его жена. Никто не знает, мертв ли Ленни. По крайней мере точно не знает.

У нее не было энергии возражать. Грейс не могла не заметить, что Кэролайн последнее время ведет себя пренебрежительно, свысока цедит слова. И это началось с того времени, когда Ленни... после несчастного случая. Вот Джон говорил с ней твердо, но почтительно: «Не могла бы ты... Попробуй сделать то-то и то-то...»

Кэролайн же коротко бросала: «Сделай это!», «Скажи то».

Все же, возможно, именно в этом и нуждалась Грейс? Богу известно, сама она не способна принимать решения.

Грейс согласилась поехать на заседание.

Очень трудно было точно определить, когда начались перемены. Как все подобные вещи, сначала они были почти неуловимы. Сначала прекратился поток букетов. Потом замолчал телефон. Приглашений на ленч или обед становилось все меньше.

Однажды, когда Грейс попыталась сделать над собой усилие и выползти из дома – отправиться выпить кофе в теннисный клуб, – вдруг обнаружила, что многие приятельницы явно ее избегают. Тэмми Рис метнулась в сторону, столкнувшись с Грейс в туалете. И, едва успев пробормотать: «Как поживаешь?», – вылетела за дверь.

Грейс пыталась обсудить происходящее с сестрами. Но и Онор, и Конни держались холодно и отчужденно. Ни у одной не нашлось времени поболтать. Грейс даже позвонила матери. Наверное, в порыве отчаяния...

Это было ошибкой.

– Тебе скорее всего просто кажется, дорогая. Почему бы тебе не отправиться в какой-нибудь интересный круиз? Помнишь, я встретила Роберто в круизе? Никто не знает, когда Купидон выпустит свою стрелу.

В круиз? Да пока она жива, ноги ее не будет ни на одном судне.

¹⁰ Герои сериала «Звездный путь».

На следующий день ее платиновая карта «Американ экспресс» оказалась заблокированной. Грейс, стоявшая у кассы «Бергдорф гудман», залилась краской, когда женщины в очереди уставились на нее.

– Должно быть, произошла ошибка, – пробормотала она. – У меня неограниченный кредит.

Продавщица любезно улыбнулась:

– Уверена, тут какая-то путаница, миссис Брукштайн. Но вам лучше выяснить это с «Американ экспресс». Я отложу ваши покупки.

Не нужны ей дурацкие покупки! Она и пришла только для того, чтобы немного отвлечься. Забыть о Ленни! Можно подумать, такое возможно.

– Спасибо, все в порядке. Я поеду домой... и все проверю.

Грейс позвонила в «Американ экспресс». Бесстрастный голос уведомил ее, что счет Ленни «ликвидирован».

– То есть как «ликвидирован»? Кем? Я ничего не ликвидировала!

– Простите, мэм. Ничем не могу помочь. Счет вашего мужа закрыт.

Худшее ожидало ее впереди. Начали прибывать горы счетов за неоплаченные услуги. Потом позвонил какой-то неприятный человек и сообщил, что платежи по закладным за дом просрочены на пять месяцев.

– Простите, сэр, но, думаю, вы с кем-то меня перепутали. Наш дом не заложен.

– Миссис Брукштайн? Я говорю с миссис Брукштайн?

– Да.

– Оставшиеся выплаты по закладной – шестнадцать миллионов семьсот шестьдесят два доллара четырнадцать центов. Закладная взята на оба имени: ваше и мужа. Хотите, чтобы я переслал вам подтверждение?

И лишь когда Кончита, преданная горничная Грейс, уволилась из-за невыплаченного жалования («Простите, миссис Брукштайн, но муж не позволяет мне приходить, пока не заплатите»), Грейс наконец преодолела стыд и призналась Джону в финансовых затруднениях.

– Это безумие, – всхлипывала она в телефонную трубку. – Ленни стоил миллиарды, а я вдруг стала получать все эти счета! Нигде не принимают мои карточки. Ничего не понимаю!

На другом конце долго молчали.

– Джон! Ты слушаешь?

– Да, Грейси. Думаю, тебе лучше приехать.

Джон Мерривейл не находил себе места. Он нервничал даже больше обычного. Грейс заметила, что он постоянно почесывает шею и избегает встретаться с ней глазами.

Они уселись на диван в его кабинете, и он стал объяснять:

– П-по городу ходят слухи, Грейси. На Уолл-стрит и среди наших инвесторов. После того, что случилось с Ленни, нами заинтересовалось ФБР.

– ФБР? – ахнула Грейс. – Но почему? Что за слухи?

– Ленни был гением. Блестящий ум. Поразительно талантливый инвестор. Одной из причин успеха «Кворума» было то, что он ни с кем не делился своей стратегией. Как в большинстве лучших страховых фондов, его модель была строго секретной.

Грейс кивнула.

– Он как-то говорил, что это все равно как унаследовать от бабушки рецепт соуса к спагетти. Все, кто этот соус ест, пытаются разгадать, как его готовить, но наверняка ничего сказать не могут.

– Совершенно верно, – улыбнулся Джон. И подумал – она и впрямь совсем ребенок.

– Моей работой было добывание средств для «Кворума». Обязанностью Ленни было вложение этих средств. Никому, даже мне, неизвестно, во что он их вкладывал. До его исчезновения это особого значения не имело.

– А после?

– Несмотря на размеры и огромный успех, «Кворум», фигурально говоря, оставался театром одного актера. После исчезновения Ленни люди захотели забрать свои капиталы. Много людей. Одновременно.

– В этом и состоит проблема?

– Да, – вздохнул Джон. – Огромная сумма... видишь ли, мы не знаем, куда девались деньги. Никаких документов. Все так запутано.

– Понятно.

Грейс немного подумала.

– При чем тут ФБР? Они пытаются выяснить, где деньги?

Джон яростно поскреб шею.

– В некотором смысле – да. Но боюсь, тут имеются свои неприятные стороны. Деньги – десятки миллиардов – неизвестно где, и полиция считает, что похитил их Ленни.

– Что за абсурд! Ленни никогда бы не прикоснулся к чужим деньгам! И зачем ему обкрадывать собственный фонд?

– Я в это не в-верю, Грейси. И хочу, чтобы ты это знала.

Джон сжал ее руку.

– Но другие верят. ФБР, инвесторы, газеты... все делают преждевременные выводы. Считают, что, как только Комиссия по ценным бумагам и биржам начала расследование, Ленни понял, что «Кворум» рухнет и его изобличат. Г-Грейс, говорят, что Ленни покончил с собой.

Грейс стало дурно.

«Самоубийство? Ленни? Нет. Никогда. Даже если бы он и украл какие-то деньги, никогда бы не покинул меня. Не ушел бы из жизни добровольно!»

Усилием воли она удержалась от крика.

– Что бы ни случилось на той яхте, Джон, это несчастный случай. Ленни был счастлив, когда уходил от меня тем утром. Почему кто-нибудь из ФБР не поговорил со мной? Я бы все им сказала!

– Уверен, рано или поздно они захотят поговорить с тобой. К-как только выдадут свидетельство о смерти, начнется расследование. Но сейчас главная цель – найти пропавшие деньги. Пока этого не случится, все счета «Кворума», как и твои личные, будут заморожены.

Грейс, примостившаяся на краю дивана, выглядела жалким маленьким воробушком. Будь Джон менее застенчив, наверняка обнял бы ее, но он только сказал:

– Попытайся не волноваться. Представляю, как все это тяжело. Мы оба знаем, что Ленни не был вором. И правда обязательно выйдет на свет. Все будет хорошо.

«Уже не будет. Без Ленни ничего не будет. Никогда».

Буря разразилась на следующее утро. Обозленные инвесторы ворвались в отделения «Кворума», требуя свои денежки. Си-эн-эн показал сюжет, больше похожий на восстание, разгоняемое конной полицией. За какие-то несколько часов все то, что отныне называлось «Афферой “Кворума”», стало предметом обсуждений во всем мире и лакомой темой для СМИ.

Шокированная Грейс не отходила от телевизора.

«Леонард Брукштайн, когда-то один из любимых и известных нью-йоркских филантропов, американский идол, сегодня объявлен величайшим вором за всю историю страны. Разъяренные инвесторы страхового фонда «Кворум» сжигали чучела пятидесятивосьмилетнего финансиста, считавшегося погибшим во время инсценированной трагедии в море, у дверей его бывших отделений».

Зазвонил телефон. Это был Джон. Грейс снова разрыдалась.

– О, Джон! Ты слышал, что говорят о Ленни? Новости... не могу смотреть...

– Грейс, пос-слушай меня. Ты в оп-пасности. Я еду за тобой.

– Но это безумие. Почему кто-то вдруг захочет причинить мне зло?

– Люди обозлены, Грейс. Ленни здесь нет. Зло сорвут на тебе.

– Но, Джон...

– Никаких «но». Ты должна пожить с нами. Сложи все необходимое. Я буду ч-через десять минут.

Через десять минут Грейс сидела на заднем сиденье бронированного автомобиля. Когда она покидала дом, небольшая группа зевак успела собраться у дверей. Вслед Грейс полетели свистки и выкрики:

– Где деньги, Грейс?

– Куда Ленни их запрятал?

– В твоём чемоданчике семьдесят пять миллиардов, беби? Или ты просто рада нас видеть?

К тому времени как Джон запихнул ее в машину, Грейс задыхалась.

Больше она не переступила порога своего дома.

– Я не продам его. Не могу.

Грейс сидела в зале заседаний адвокатской фирмы «Картер Хохштайн». Вокруг стола расположились шестеро мрачных мужчин в темных костюмах. Джон Мерривейл представил их как попечителей, людей, ответственных за управление имуществом Ленни.

– Боюсь, у вас нет выбора. Откровенно говоря, миссис Брукштайн, у вас просто нет денег, чтобы платить по закладной. Нам придется выставить на продажу все ваши активы. Дело в том, что ваш супруг с самого начала брал крупные суммы денег под заклад своей доли в «Кворуме». Пора отдавать долги, а у вас нет средств.

Грейс в полном недоумении взглянула на Мерривейла.

– Но как такое может быть? Господи, не знаю, продайте какие-нибудь акции или что-то в этом роде.

Джон болезненно поморщился:

– Дело в том, Грейс, что, пока вся эта история не прояснится, мне запрещено что-либо продавать.

– Миссис Брукштайн!

Кеннет Гревилл, самый старший партнер, наконец потерял терпение и прямо сказал:

– Вы должны понять! Через «Кворум» без всяких документов проходили огромные суммы! Сотни тысяч инвесторов вашего мужа разорены. Эти люди потеряли все.

«А я разве нет?» – подумала Грейс.

– Пока ваш муж намерен оставаться мертвым в глазах всего света и пока не проведено расследование, мы не можем прийти к какому-то определенному заключению. Но уже сейчас ясно, что мистер Брукштайн до какой-то степени замешан в мошенничестве самого серьезного характера. Украденные суммы...

– Нет.

Грейс встала.

– Простите, но я не стану сидеть и слушать все это. Мой муж в жизни ни цента не украл. Ленни не вор! Он хороший человек и создавал «Кворум» с нуля. Скажи им, Джон!

«Она все еще говорит о нем в настоящем времени, – подумал Кеннет Гревилл. – Бедный ребенок!»

– Ваша преданность достойна всяческих похвал, миссис Брукштайн. Но моей неприятной обязанностью является уведомить вас, что в связи с вашими нынешними и, возможно,

будущими финансовыми обстоятельствами вы больше не сможете жить на Парк-авеню. Мне очень жаль.

По щекам Грейс покатались слезы. Чувство было такое, будто ее прицепили наручниками к мчащемуся на всем ходу поезду. Ее жизнь рушилась, и она ничего не могла сделать.

За ужином Грейс почти не ела. Не разговаривала. Тупо смотрела в стену. Она выглядела худой и осунувшейся.

– Ешь, Грейс, – велела Кэролайн. – В нашем доме правило – ничего не оставлять в тарелке. Правда, Джон?

Джон заметил, с каким злобным торжеством Кэролайн глядит на Грейс. Кажется, жена наслаждалась страданиями бедняги. Наконец-то она получила возможность отомстить! Кэролайн напоминала кошку, играющую с пойманной мышью, перед тем как вонзить в нее когти.

– Кэролайн права. Ты должна поддерживать силы, – пробормотал он.

Грейс поднесла к губам ложку. Суп оказался холодным, и она едва подавила рвотный спазм.

– Простите, я неважно себя чувствую. Если не возражаете, пойду к себе.

Чем скорее закончится сегодняшний день, тем лучше. После встречи с адвокатами она чувствовала себя еще хуже, чем в тот день, когда береговая охрана сообщила ужасные новости. Весь свет только и говорит, что об этих идиотских деньгах! Можно подумать, ее интересуют эти деньги! Все, что ей нужно, – увидеть, как в дверь входит Ленни.

Но в дверях появилась горничная.

– Простите, что помешала, миссис Мерривейл. Пришел полисмен. Говорит, что у него срочное дело к миссис Брукштайн.

– Нет! Пусть уходит! – запаниковала Грейс. – Пусть придет утром.

– Не будь глупенькой, Грейс! – усмехнулась Кэролайн. – Это полиция, а не светский визит! Иди и поговори с ним.

– Кэролайн, пожалуйста! Я не могу!

Но хозяйка дома была неумолима:

– Мелисса, пригласите офицера. Передайте, что миссис Брукштайн сейчас придет.

Через несколько минут Грейс нерешительно вышла в коридор, ожидая увидеть агрессивно настроенного агента ФБР. Вместо этого ее приветствовал застенчивый молодой человек в мундире. При виде Грейс он вежливо снял шляпу. Грейс расправила плечи, почувствовав, как отпускает напряжение.

– Добрый вечер, офицер. Вы хотели меня видеть?

– Да, миссис Брукштайн. Я... э... принес новости. Это насчет вашего мужа. Наверное, вам лучше присесть...

Грейс задохнулась от счастья.

«Он жив! Ленни жив! Его нашли! Слава Богу! Ленни вернется, и все будет по-прежнему! Мы вернем свой дом и деньги, и никто больше не станет нас ненавидеть...»

– Миссис Брукштайн?

– О, все в порядке. Спасибо. Я целый день сидела. Вы говорили о каких-то новостях?

– Да, мэм.

Молодой человек опустил глаза.

– Простите, я обязан сказать это... сегодня днем на побережье Массачусетса сотрудник береговой охраны обнаружил тело. Нам кажется, что это останки вашего мужа, Леонарда Брукштайна.

Глава 8

Донна Санчес любила свою работу в городском морге, чего никак не могли понять друзья и родственники.

– Все эти покойники... Неужели у тебя мурашки по коже не бегут?

Донна только улыбалась.

Грузная пуэрториканка с жирными пальцами-сосисками и круглым тестообразным лицом, Донна выросла в большой шумной семье. Вне работы саундтреком к ее жизни служили детские вопли, звон бьющейся посуды, воющие автомобильные клаксоны, орущие телевизоры. Донна хорошо относилась к мертвецам, потому что они молчали. Городской морг на Кларк-сон-авеню в Бруклине был белым, чистым и аккуратным, что способствовало умиротворению.

Конечно, бывали у нее и скверные дни. Даже после восьми лет службы безжизненные тела детей вызывали у Донны подобие сердечных спазмов. Некоторые жертвы аварий выглядели чудовищно. И самоубийцы тоже. Увидев впервые «прыгуна», Донна едва не упала в обморок. Потом несколько недель ей снились кошмары: кости, прорвавшие кожу изуродованного трупа, расколотый, как сгнивший арбуз, череп... Обычно, легче всего было смотреть на утопленников. Холодная вода, похоже, замедляла разложение. Кроме того, выражение их лиц было блаженным, почти счастливым.

Но только не сегодня. Омерзительная грудa, лежавшая на столе, не имела лица: об этом позаботились рыбы. Тело чудовищно разбухло. Левая рука и кисть чудом остались нетронутыми, но остальных конечностей попросту не было. Отломлены, как клешни краба.

От такого, как говаривали подруги Донны, действительно мурашки по коже поползут!

– Неужели они притащат смотреть на это его бедняжку жену?

Как все остальные служащие морга, Донна знала, что копы считают «это» Ленни Брукштайном. Поэтому и привезли тело в Нью-Йорк, почти за две тысячи миль от того места, где останки были выброшены волнами на побережье Массачусетса.

– Никто не должен видеть своих любимых такими!

Техник Дуэйн Тайлер расплылся в ехидной улыбочке. Симпатичный чернокожий паренек, только что окончивший школу, Дуэйн был законченным циником.

– Прибереги свое сочувствие для более достойных! Прежде всего Грейс Брукштайн бедной не назовешь. Говорят, сукин сын обчистил кучу народу. Простых людей.

– Знаю я, что говорят. Но это еще не значит, что говорят правду. И что из того? Жена тут при чем?

Дуэйн покачал головой:

– Не верь, девушка. Думаешь, жены ни о чем не знают? Эти богатые белые сучки? Все им известно! Все они знают!

В офисе окружного прокурора сидели Гарри Бейн и Гэвин Уильямс.

Ни для кого не было секретом, что родители Анджело Микеле оказались среди ньюйоркцев, обобранных Ленни Брукштайном. Анджело считался самым способным и умным прокурором в Нью-Йорке, но Гарри Бейн боялся, что в этом случае он не сможет быть объективным. И первые слова прокурора отнюдь не показались ему обнадеживающими.

– Я хотел получить голову Брукштайна на блюде. А получил почти то же самое: тело Брукштайна на столе в морге.

– Возможно, это еще не он, – возразил Гарри. – Его жена сейчас едет в морг на опознание тела. Вернее, того, что от него осталось. Потом можно будет проводить вскрытие.

– Прекрасно.

Задачей ФБР было найти пропавшие деньги «Кворума», а Микеле следовало наказать воров. Отчасти он был рад тому, что труп обнаружен. Вероятность, хоть и слабая, того, что Ленни Брукштайн каким-то образом сбежал и теперь роскошествует на личном атолле в Тихом океане, не давала Анджело спать по ночам. И в то же время он чувствовал себя обокраденным. Если Брукштайн мертв, значит, избежал наказания и следует найти другого виновника.

– Продвинулись в допросах Мерривейла или Престона?

– Нет, – нахмурился Бейн – Пока нет.

Он лично, в общей сложности шесть раз, допрашивал двух топ-менеджеров «Кворума», но ни на шаг не приблизился к разгадке тайны пропавшей совершенно безумной суммы. Интуиция подсказывала, что оба знают больше, чем говорят. Но пока что доказать это было невозможно.

– Агент Уильямс обнаружил кое-что интересное.

Анджело глянул на Гэвина Уильямса. От этого человека становилось не по себе. Похож скорее на робота, чем на человеческое существо. И говорил он монотонно, избегая встречаться с собеседником взглядом.

– Похоже, за неделю до гибели Леонард Брукштайн изменил структуру компании. Волевым решением лишил Джона Мерривейла статуса партнера.

– Черт! – Микеле покачал головой.

– Так плохо? – осведомился Гарри.

– Разумеется. Если Ленни Брукштайн был единственным официальным владельцем, почти невозможно обвинить, а тем более наказать остальных игроков. Если только в штаны Мерривейла не зашито несколько миллиардов, мы в пролете.

– Он не был единственным партнером.

– Но вы, кажется, сказали...

Уильямс вздохнул, как школьный учитель, пытающийся объяснить очевидные истины семилетнему питомцу:

– Я сказал, что Ленни лишил Мерривейла доли, но не утверждал, что он остался единственным партнером. Ленни отдал долю Мерривейла. Перевел ее на другого человека.

Сердце Микеле едва не выскочило из груди.

– На кого, во имя Господа?!

Гэвин Уильямс улыбнулся:

– На свою жену.

– Уверены, что готовы это увидеть, миссис Брукштайн? – мягко спросила Донна Санчес. Грейс кивнула.

«Какая разница? Все это сон. Кошмарный сон. Когда она откинёт простыню, я проснусь».

– Все будет очень быстро. Попробуйте рассмотреть руку. Если узнаете обручальное кольцо, больше ничего не потребуется.

Донна откинула простыню.

Грейс подняла голову и пронзительно закричала.

Джон Мерривейл уставился на лежавшие перед ним документы, потирая покрасневшие от усталости глаза.

– Д-должно быть, какая-то ошибка.

Гарри закурил сигарету. Джона затошнило от дыма.

– Никакой ошибки, Джон. Это подпись Ленни. А это – Грейс. Неужели мы, по-вашему, не проверили подлинность?

Документы были юридически заверенными приказами, изменявшими структуру владения «Кворумом». При этом вся доля Джона переводилась на имя Грейс. На каждом стояла дата 8 июня. За день до бала в «Кворуме». Каждый был подписан Ленни и Грейс.

– Не обманывайте себя, Джон. Брукштайны вас обобрали. Хотели забрать оставшиеся деньги и сбежать.

– Н-нет. Ленни не сделал бы так-кого. Т-только не со мной.

– Да прочтите вы это! Доказательства перед вами. Черным по белому. Он это сделал. ОНИ сделали это. Вместе. Не думаете, что пора бы уже перестать защищать их?

Джон зажмурился. Думать почему-то не получалось.

Сколько он пробыл в этой комнате? Три часа? Четыре?

Он вспомнил о Грейс. Как там она, одна в морге? Полицейские не позволили ему ехать с ней. Бедная девочка наверняка сойдет с ума от ужаса.

– Л-Ленни имел полное право реструктуризовать компанию, как ему было угодно. «Кворум» был его бизнесом.

Гарри Бейн, не веря ушам, уставился на финансиста.

– То есть вы не возражаете против того, что Ленни Брукштайн вас обчистил?

– А я говорю, что этого не могло быть.

– Но это есть. И все изложено в этих бумагах.

– Должно быть, у него были свои причины. Его здесь н-нет. Некому защитить его доброе имя.

– Доброе имя?! – расхохотался Бейн. – Ленни Брукштайн был мошенником, и жена недалеко от него ушла. Это мы знаем точно. Вопрос в том, ЧЕГО мы не знаем. Что вы от нас скрываете?

– Н-ничего я не скрываю.

– Почему вы его защищаете?

– Он был моим другом.

«Моим единственным другом».

– Он не был вашим другом. Он использовал вас, Джон. Использовал с самого начала. Интересно, зачем такому блестящему уму, как Ленни, понадобился в команде такой простак, как вы? Вы когда-нибудь задавали себе такой вопрос?

«Постоянно».

– И почему же?

– Потому что вы придавали ему легитимность – вот почему. Потому что вели себя как глупый, обожающий его и слепо преданный лох. Как собака.

Джон резко вскинул голову. Перед ним была ехидно ухмылявшаяся физиономия Гарри Бейна. Но голос! Голос принадлежал Кэролайн!

– Ты просто комнатная собачка, Джон! Ты жалок! Хоть бы раз постоял за себя!

– Все было не так.

– Нет? А кто же тогда? Потому что, с моей точки зрения, вы либо гребанный кретин, который не видел, что происходит у него под носом, либо все знали.

– Я н-н-ничего не знал!

– Не верю. Где деньги, Джон?

– Н-не знаю.

– Куда вы их спрятали? Вы со своим ДРУЖКОМ Ленни Брукштайном? Парнем, который так вам доверял? Полагался на ваши советы? Куда вы дели наличные?

– Я уже говорил, чт-то не...

– Может, нам следует потолковать с Эндрю Престоном? Это ему доверял Брукштайн на самом деле?

– Кон-нечно, нет! Ленни был вс-егда ближе ко мне, чем к Эндрю.

– Настолько близок, что отдал ваши акции Грейс?

Пронзительный свист в голове Джона становился все громче. Словно вскипевший чайник...

– Где они, Джон? Где деньги? Если вы не были преданным псом Ленни, докажите это!

Свист стал таким оглушительным, что, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки.

– Где гребаные деньги, Джон?!

– Не знаю!

Обмякший на стуле Джон разразился слезами.

– Ради всего св-вятого, что вам от меня нужно? Не знаю я!

Стоявший по другую сторону двустороннего стекла Анджело Микеле обратился к психологу:

– Ну? Что вы думаете?

– Думаю, он не лжет. Действительно ничего не знает. При виде этого документа он чуть в обморок не упал!

Анджело кивнул.

Интересно, сумеет ли этот автомат Уильямс чего-то добиться у Грейс?

– Где вы были, когда подписывали эти документы?

Грейс пыталась сосредоточиться. Все еще не оправившаяся от потрясения, она честно старалась понять, где находится. Мрачный седой мужчина, сидевший напротив, кажется, сотрудник ФБР. Он арестовал ее, когда она выходила из морга, и куда-то повез, но она никак не могла вспомнить, куда именно и сколько времени заняла дорога. Теперь сидела в белой комнате без окон, а перед глазами, словно в ужастике, мелькали кадры стола в морге и изуродованного тела Ленни. Мужчина продолжал говорить:

– Они датированы восьмым июня.

«Кожа белая, восковидная, как творожистая смазка, которая покрывает кожу новорожденного...»

– Миссис Брукштайн, эти документы доказывают, что вы сознательно стали партнером «Кворум интернэшнл» с целью получать незаконные доходы, с 2004 по 2009 год.

– Я ничего не знаю, – едва слышно прошептала Грейс.

Гэвин подался вперед, так что его лицо оказалось в миллиметре от ее собственного. Грейс ощутила несвежее дыхание.

– Не лгите мне, миссис Брукштайн, иначе очень об этом пожалеете.

Грейс подняла голову и увидела в его глазах безжалостную пустоту. Холодный кинжал страха пронзил ее.

– Я не лгу.

– Вы были партнером в фонде вашего мужа.

– Партнером? Нет. Вы ошибаетесь. Я никогда не была партнером. Я ничего не понимаю в бизнесе. Партнерами были Ленни и Джон.

– Отрицаете, что это ваша подпись?

Гэвин Уильямс ткнул ей под нос листок бумаги. Грейс узнала собственный почерк, но даже под угрозой расстрела не могла бы вспомнить, что это за документ, когда и почему она его подписала. Всем заправлял Ленни.

– Я... я ничего не отрицаю. Просто... сбита с толку.

– Да неужели?! – крикнул Уильямс. – Потеря памяти?!

– Я требую присутствия адвоката, – услышала собственный голос потрясенная Грейс.

«Боже, словно эпизод из “Закона и порядка”».

– Что?

– Я сказала, что мне нужен адвокат.

Гэвина затрясло от злости. Он надеялся настичь Грейс в момент нерешительности, неуверенности в себе и вырвать признание. Сломать ее. Но она потребовала адвоката, и он не имел права отказать. Сука!

– Допрос закончен. Выключите запись.

Уильямс, кинув напоследок презрительный взгляд на Грейс, удалился.

Наутро новости об аресте Грейс Брукштайн и обнаружении тела Ленни Брукштайна опубликовали все газеты.

Онор Уорнер закончила читать. Ее трясло.

– Они нашли тело Ленни.

– Знаю, – бросил Джек. – Я умею читать.

– Как ты можешь быть таким спокойным?! ФБР арестовало Грейс. Подумать только, в чем ее обвиняют! Афера, мошенничество, отмывание денег... Это Грейс, которая не знает точно, сколько будет дважды два! Что нам теперь делать?

Джек улыбнулся:

– Нам? Мы ничего не намерены делать.

– Но, Джек...

– Что, «Джек»? Мы умоем руки и отойдем в сторону.

Онор с ужасом уставилась на мужа.

– Пожалуйста, хоть при мне не притворяйся, что тебе есть дело до Грейс, – фыркнул Джек. – Немного поздно для этого, не так ли, дорогая? Думаешь, все эти годы я не видел тебя насквозь?

– О чем ты?

– Воображаешь, будто я не знаю, как сильно ты ненавидела сестру? Как ненавидела ее всегда?

Пристыженная, Онор отвернулась.

«Все верно. Я ее ненавижу. Но позволить ей сидеть в тюрьму...»

Она попробовала зайти с другого бока:

– Хорошо. Забудем о Грейс. Как насчет нас, Джек? Если дело дойдет до суда, начнутся вопросы. Вопросы о делах Ленни. Его сообщниках. О том, что случилось в тот день, когда он исчез. Что, если полиция докопается?

– Не докопается.

– Но все же?

Джек холодно взглянул на нее:

– Онор, хочешь быть первой леди?

Онор этого хотела. Больше всего на свете.

– Хочешь видеть меня в Белом доме?

– Конечно. Ты же знаешь.

– Тогда прекрати паниковать. Держи рот на замке и не возникай. Ленни мертв. Больше он нам ничего не сделает. А вот Грейс – может. Одному Богу известно, сколько всего успел рассказать ей старик.

Онор вздрогнула. Об этом она не подумала!

– Если твоя сестра сядет в тюрьму, это лучший для нас выход. Передай мне кофе, пожалуйста. Становится холодно.

Майкл Грей ужаснулся, услышав новости.

– Мне так жаль, солнышко, – прошептал он, обнимая Конни. – Чем я могу помочь?

Конни покачала головой:

– Чем тут можно помочь? Очевидно, Ленни и Грейс не те, за кого мы их принимали.

- Ты веришь, что Грейс виновна во всех этих преступлениях?
- Мир сошел с ума, – пожала плечами Конни. – Я уже не знаю, что думать.
- Да, но отмывание денег? Грейс?
- Не вижу, что тут такого невероятного. Взгляни хоть на Ленни. Мы все любили и уважали его. Но оказалось, что он вор и трус.
- В голосе Конни было столько яда, что Майкл оторопел. А потом испугался.
- Мы все знаем, что Грейс была помешана на Ленни. Кто знает, на что она способна, чтобы помочь ему или защитить?

Мария Престон восприняла арест Грейс как волнующий эпизод в одной из ее «мыльных опер».

– Полиция утверждает, что Грейс украла акции Джона Мерривейла! Что они с Ленни планировали ограбить его и всех инвесторов, сбежать с деньгами. «Грейс Брукштайн – последний оставшийся в живых партнер фонда». Вот что тут написано! И одно это делает ее ответственной перед законом за все потери «Кворума». Представляешь?

Эндрю не представлял. Со времени возвращения из Нантакета он почти не спал.

Пока что ему везло: ФБР интересовала рыбка покрупнее, – но рано или поздно раздастся стук в их дверь. Обязательно раздастся.

Его страшило не разоблачение. И даже не тюрьма. Настоящий ужас будет, если он потеряет Марию. Ведь он сделал все ради нее! А она считала, что все вокруг игра!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.